

КАМШИЛДА ДЭЖБЕРГ

ЗАПАХ СОЛИ,
КРИКИ ПТИЦ

**ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦИКЛА «ФЬЕЛЬБАКА»
ОБ ЭРИКЕ ФАЛЬК И ПАТРИКЕ ХЕДСТРЕМЕ**

**22 миллиона экземпляров книг в более
чем 60 странах на более чем 30 языках**

Фьельбака / Патрик Хедстрём

Камилла Лэкберг

Запах соли, крики птиц

«ЭКСМО»

2006

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

Лэкберг К.

Запах соли, крики птиц / К. Лэкберг — «Эксмо»,
2006 — (Фьельбака / Патрик Хедстрём)

Продолжение цикла «Фьельбака» об Эрике Фальк и Патрике Хедстрёме. Мировой бестселлер. 22 миллиона экземпляров книг более чем в 60 странах на более чем 30 языках. Одни рвутся из тьмы. Другие мечтают туда вернуться... Ее называют «шведской Агатой Кристи». Камилла Лэкберг — ведущий автор среди прославленных мастеров скандинавского детектива. Первый же ее роман стал мировым бестселлером — как, впрочем, и каждый последующий. Лэкберг входит в десятку самых популярных писателей Европы. Власти городка Танумсхеде, стремясь привлечь внимание СМИ и поток туристов, устроили съемки реалити-шоу. Вскоре одна из участниц, гламурная красотка с подходящим прозвищем Барби, была найдена мертвой. А за несколько дней до этого погибла ничем не примечательная сорокалетняя владелица магазинчика. Почти ничем не примечательная — ведь у каждого найдется скелет в шкафу, если поискать хорошенько... К этим смертям добавляются новые, но в чем же связь между ними — совершенными в разных городах Швеции и в разные годы? А главное, почему возле каждого из тел найден листок из книжки со сказкой про Гензеля и Гретель?.. «Лэкберг — эксперт в деле смешивания милых домашних сцен с останавливающим кровь ужасом». — *Guardian* «Лэкберг особенно хороша в изображении клаустрофобии, свойственной маленьким сообществам, в которых все знают всех, а полицейский может дружить с убийцей». — *The Times* «От романов Лэкберг бросает то в жар, то в холод». — *Sun* «У Лэкберг особый дар: ей удалось создать два наиболее законченных образа во всей современной детективной литературе — причем сделать это с особой теплотой, пробивающейся сквозь скандинавскую холодность». — *Independent*

УДК 821.113.6-31

ББК 84(4Шве)-44

© Лэкберг К., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

57

Камилла Лэкберг
Запах соли, крики птиц

Посвящается Вилле и Мейе

Camilla Läckberg
OLYCKSFÅGELN

Copyright © Camilla Läckberg, 2006
Published by arrangement with Nordin Agency & OKNO Literary Agency, Sweden

© Савицкая А.В., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Лучше всего он помнил ее духи. Те, что она хранила в ванной комнате. Сверкающий лиловый пузырек со сладковатым тяжелым ароматом. Повзрослев, он долго искал этот аромат в парфюмерных магазинах, пока точно не установил, что это были за духи. И посмеялся, увидев название: «Poison» – «Яд».

Обычно она брызгала духами на запястья, потом обтирала запястья о шею, а если надевала юбку, то и о щиколотки.

Ей это казалось очень красивым – ее нежные, тонкие запястья грациозно терлись друг о друга, аромат распространялся по комнате, а он с нетерпением ждал того мгновения, когда волна запаха приблизится вплотную, она склонится и поцелует его. Всегда в губы. Всегда таким легким касанием, что он иногда сомневался, был ли поцелуй в действительности или просто ему приснился.

– Позаботься о сестре, – всегда говорила она, прежде чем выйти или, скорее, выпорхнуть за дверь.

Позже он никак не мог припомнить, отвечал он ей или просто кивал.

* * *

Весеннее солнце светило в окна здания полиции городка Танумсхеде, нещадным образом обнажая грязь на стеклах. Их, словно пленкой, покрывала оставшаяся с зимы серость, и Патрику казалось, что такая же пленка покрывает и его самого. Зима выдалась непростой. Жить с ребенком оказалось гораздо веселее, но и гораздо труднее, чем он себе представлял. Хотя с Майей и стало теперь намного легче, чем поначалу, но Эрике по-прежнему не нравилась роль

неработающей мамы. Сознание этого мучило Патрика каждую секунду и минуту, которые он проводил на службе. К тому же дополнительным бременем им на плечи легло случившееся с Анной.

Его мрачные мысли прервал стук в дверь.

– Патрик? Поступил сигнал о ДТП. На дороге в сторону Саннэса разбилась машина.

– О'кей, – откликнулся Патрик, вставая. – Послушай-ка, разве не сегодня должна прийти приемница Эрнста?

– Да. – Анника кивнула. – Но еще даже нет восьми часов.

– Тогда возьму Мартина, а то я собирался немного повозить ее с собой, пока не пообвыкнет.

– Да, вообще-то мне жаль бедняжку, – заметила Анника.

– Из-за того, что ей предстоит ездить со мной? – спросил Патрик, в шутку бросив на нее свирепый взгляд.

– Разумеется. Я ведь знаю, как ты водишь машину... Нет, если серьезно, то с Мельбергом ей придется нелегко.

– Прочитав ее резюме, я полагаю, что если кто и сможет с ним справиться, так это Ханна Круссе. Судя по ее послужному списку и отзывам, она, похоже, девушка крутая.

– Настораживает только то, что она при всем этом стремится в Танумсхеде...

– Да, может, ты и права, – сказал Патрик, натягивая куртку. – Придется мне, пожалуй, поинтересоваться у нее, почему она опускается до работы в тупиковом для карьеры месте, да еще с такими дилетантами, как мы...

Он подмигнул Аннике, легонько хлопнувшей его по плечу.

– Ну, ты же знаешь, что я имела в виду не это.

– Знаю, просто хотел тебя подразнить... Кстати, имеется еще какая-нибудь информация с места происшествия? Пострадавшие? Погибшие?

– По словам сообщившего об аварии, похоже, что в машине только один человек. И он мертв.

– Черт подери! Я заберу Мартина, мы съездим туда и посмотрим. Думаю, скоро вернемся. Можешь пока устроить для Ханны экскурсию по новому рабочему месту.

В тот же миг от входных дверей донесся женский голос: «Есть тут кто-нибудь?»

– Вероятно, это она, – сказала Анника и бросилась к дверям.

Патрик, которого очень занимала новая коллега, отправился следом. Увидев стоявшую в комнате дежурного женщину, он был поражен. Патрик толком не знал, чего, собственно, ожидал, но возможно, что она будет... немного покрупнее. И не столь красива... и не такой яркой блондинкой. Она протянула руку – сперва Патрику, затем Аннике – и сказала:

– Здравствуйте, я – Ханна Круссе и сегодня должна приступить здесь к работе.

Ее голос больше отвечал его ожиданиям – довольно глубокий и решительный. К тому же и рукопожатие свидетельствовало о многочасовых тренировках в спортзале – Патрик все больше корректировал первое впечатление.

– Патрик Хедстрём. А это Анника Янссон, главная опора нашего отделения...

Ханна улыбнулась.

– Аванпост женщин в чисто мужском коллективе, насколько я поняла. По крайней мере, до настоящего момента.

– Да, должна признаться, что меня радует прибавление еще одного противовеса царящему в этих стенах тестостерону, – засмеялась Анника.

– Девушки, вы сможете познакомиться поближе потом, – прервал их болтовню Патрик. – Ханна, нам только что сообщили о ДТП с участием одной машины, да еще со смертельным исходом. Если ты не против, можешь прямо сейчас поехать туда вместе со мной. Начать первый рабочий день с места в карьер.

– Я готова, – ответила Ханна. – Можно мне только где-нибудь поставить сумку?
– Я отнесу ее в твой кабинет, – предложила Анника. – А подробно осмотреть наше здание ты сможешь, когда вы вернетесь.

– Спасибо, – сказала Ханна и поспешила вслед за Патриком, который уже выходил на улицу.

– Ну как самочувствие? – спросил Патрик, когда они уселись в полицейскую машину и выехали по направлению к Саннэсу.

– Спасибо, нормально, но начинать на новой работе всегда немного волнительно.

– Судя по твоему резюме, ты уже успела сменить ряд мест, – заметил Патрик.

– Да, мне хотелось набраться как можно больше опыта, – кивнула Ханна, с любопытством глядя в окно. – Разные части Швеции, разный масштаб служебной деятельности и тому подобное. Все это расширяет опыт полицейского.

– А зачем? – продолжил расспрашивать Патрик. – В чем, так сказать, конечная цель?

Ханна снова улыбнулась: улыбка у нее была дружелюбной, но вместе с тем невероятно решительной.

– Разумеется, должность начальника в каком-нибудь крупном полицейском округе. Поэтому я хожу на всевозможные курсы, как могу, расширяю опыт и работаю изо всех сил.

– Звучит как рецепт успеха, – улыбнулся в ответ Патрик, однако от выплеснутой на него невероятной массы амбиций ему стало немного не по себе. Он к такому не привык.

– Надеюсь, – отозвалась Ханна, продолжая разглядывать проплывавший за окном пейзаж. – А ты, как давно ты работаешь в Танумсхеде?

К своей досаде, Патрик услышал, что в его ответе прозвучали нотки стыда.

– Э... вообще-то с окончания полицейской школы.

– Ой, я бы так не могла! Иными словами, тебе здесь, вероятно, нравится? Это предвещает мне тут приятную службу... – Она засмеялась и перевела взгляд на него.

– Да, это можно трактовать и так. Но многое – дело привычки и удобства. Я здесь вырос и знаю эти места как свои пять пальцев. Хотя вообще-то я в Танумсхеде больше не живу. Теперь мое местожительство Фьельбака¹.

– Да, правильно, я слышала, что ты женат на Эрике Фальк! Обожаю ее книги! Те, в которых рассказывается об убийствах; биографий, должна признаться, я не читала...

– В этом нет ничего постыдного. Если судить по цифрам продаж, половина Швеции читала ее последнюю книгу, но подавляющее большинство даже не знает о том, что Эрика выпустила пять биографий шведских писательниц. Лучшая из них посвящена Карин Бойе, и, кажется, ее издали аж в двух тысячах экземпляров... Кстати, мы еще не женаты. Но скоро будем. Мы собираемся пожениться на Троицу!

– О, поздравляю! Свадьба на Троицу – это замечательно!

– Да, мы надеемся... Хотя, по правде говоря, я предпочел бы на это время улизнуть в Лас-Вегас, чтобы избежать всей этой шумихи. Никак не думал, что женитьба является столь глобальным делом.

Ханна от души рассмеялась.

– Да, могу себе представить...

– Но я видел в бумагах, что ты тоже замужем. У вас разве не было грандиозной свадьбы в церкви?

На лицо Ханны набежала тень. Она поспешно отвела взгляд и пробормотала так тихо, что он едва расслышал:

– Мы обошлись гражданской регистрацией брака. Но эту историю мы обсудим как-нибудь в другой раз. Похоже, приехали.

¹ Фьельбака – селение неподалеку от Танумсхеде. (Здесь и далее прим. переводчика.)

Прямо перед ними в канаве лежала разбитая машина, и двое пожарных как раз разрезали крышу, пытаясь проникнуть внутрь. Они явно не торопились. Взглянув на переднее сиденье, Патрик понял почему.

* * *

Вовсе не случайно собрание проводилось не в здании местной администрации, а у него дома. После нескольких месяцев интенсивных ремонтных работ дом, который он любил называть жемчужиной, наконец оказался готов для демонстрации восхищенным посетителям. Это был один из самых старых и больших домов в Греббестаде, и потребовалось немало усилий для того, чтобы уговорить прежних владельцев выставить его на продажу. Они стенали по поводу «семейного наследия» и «передачи детям и внукам», но, по мере того как он поднимал цену, стенания стали переходить в ворчание, а затем в оживленное бормотание. Эти идиоты даже не поняли, что он предложил им значительно меньше, чем готов был заплатить. Вероятно, они никогда не делали ни шага за пределы окрестностей и ничего не знали об истинной стоимости вещей – как это знает только человек, проживший в Стокгольме и привыкший к условиям рынка недвижимости. Заключив сделку, он, не моргнув глазом, выложил еще два миллиона на ремонт дома и теперь с гордостью представил конечный результат глазам остальных членов местной администрации.

– А эту лестницу мы выписали из Англии. Ее декоративные детали замечательно отражают эпоху. Ну, обошлась она, разумеется, недешево – в год делают только пять подобных лестниц, – но за качество всегда приходится платить. Мы тесно сотрудничали с музеем Бухуслена², чтобы сохранить дух здания. Мы с Вивекой придаем особое значение деликатной реставрации дома, не нарушающей его атмосферу, – особо подчеркнул он. – Кстати, у нас имеется несколько экземпляров прошлого номера журнала «Резиденция», где задокументированы результаты нашей реставрации, и фотограф, между прочим, сказал, что ему еще не доводилось видеть ремонта, выполненного с таким вкусом. Пожалуйста, когда будете уходить, возьмите по журналу, и дома сможете его спокойно полистать. Да, мне, вероятно, следует пояснить, что в «Резиденции» публикуются материалы только об эксклюзивных явлениях, а не как в «Красивых домах», где может продемонстрировать свое жилище любой простолюдин. – Он усмехнулся, показывая, сколь абсурдна сама мысль, что их с женой дом можно обнаружить в подобном издании. – Ну, давайте присядем и перейдем к делу!

Эрлинг В. Ларсон показал на большой столовый гарнитур, где все уже было готово для подачи кофе. Пока он демонстрировал дом, его жена незаметно накрыла на стол и теперь молча стояла, ожидая, пока присутствующие рассядутся. Эрлинг наградил ее благодарным кивком. Его маленькая Вивека – истинное сокровище: прекрасная хозяйка и знает свое место. Возможно, чуть молчалива и не слишком владеет искусством ведения беседы, но, как он обычно говорил, женщина, умеющая молчать, лучше той, что болтает, когда надо и не надо.

Все уселись за стол, и Вивека пошла по кругу, наливая кофе в хрупкие беленькие чашечки.

– Ну-с, какие у вас имеются соображения по поводу исторического события, на пороге которого мы стоим?

– Моя позиция тебе известна, – ответил Уно Бруссон, опуская в кофейную чашку четыре кусочка сахара.

Эрлинг посмотрел на него с отвращением: он не понимал мужчин, пренебрегающих своей фигурой и здоровьем. Сам он каждое утро совершал десятикилометровую пробежку

² Бухуслен – юго-западная область Швеции.

и даже втихаря сделал себе несколько подтяжек. О последнем обстоятельстве знала только Вивека.

– Да, это уж точно, – сказал Эрлинг чуть резче, чем намеревался. – Но ты ведь получил возможность высказаться, а раз уж мы достигли коллективного решения, то я, во всяком случае, считаю, что нам разумнее всего объединиться и извлечь из этого дела максимальную пользу. Продолжать дебаты не имеет смысла. Телевизионщики заезжают сегодня, и мою точку зрения вы знаете: лично я полагаю, что для нашего края ничего лучше и быть не может. Только посмотрите, какого подъема достигли те регионы, где они снимали прошлые сезоны. Омель привлек к себе довольно много внимания благодаря фильму Мудиссона³, но оно не идет ни в какое сравнение с той популярностью, которую потом принесло региону реалити-шоу. Шоу «Покажи мне Тёребуду» ведь обеспечило этому местечку широчайшую известность. Представьте себе, что большая часть Швеции усядется смотреть «Покажи мне Танум»!⁴ Нам представляется уникальная возможность показать наш провинциальный городок с самой лучшей стороны!

– С лучшей стороны, – фыркнул Уно. – Пьянство, секс и тупоумные девки из реалити-шоу. Неужели мы хотим показать Танумсхеде именно так?

– Ну, мне, во всяком случае, кажется, что это будет страшно увлекательно! – чуть слишком пронзительно, с восторгом воскликнула Гунилла Челлин, сверкнув глазами в сторону Эрлинга. Он ей очень нравился. Пожалуй, даже можно было сказать, что она в него влюблена, хотя сама она в этом ни за что бы не призналась. Эрлинг, однако, это сознавал и использовал данное обстоятельство для привлечения ее голоса, когда хотел протолкнуть какое-нибудь решение.

– Вот, послушайте Гуниллу! Именно в таком ключе нам всем и следует рассматривать предстоящий проект! Мы решаемся на увлекательное приключение и должны с благодарностью воспользоваться выпавшим случаем! – Эрлинг придал голосу максимум энтузиазма.

Такой тон очень помогал ему в те годы, когда он руководил крупной страховой компанией – благодаря этому и персонал, и правление всегда слушали его с большим интересом. Думая о годах, проведенных в гуще событий, Эрлинг всегда испытывал ностальгию. Но, слава богу, он вовремя унес ноги – забрал честно заработанные деньги и распрощался, прежде чем орава журналистов, почуяв запах крови, стала гоняться за его несчастными коллегами, как за добычей, которую следовало повалить наземь и разодрать на куски. Эрлинг очень страдал из-за решения после инфаркта уйти на досрочную пенсию, но оно оказалось лучшим из когда-либо принятых им.

– Ну-ка, попробуйте, пожалуйста, эти вкусные булочки. Они из кондитерской Эльга. – Он показал рукой на блюдо, наполненное венскими булочками и другими, с корицей.

Все послушно протянули руки и взяли по одной. Сам он воздержался. Инфаркт, случившийся несмотря на все его заботы о здоровье, только подкрепил стремление тщательно следить за питанием и моционом.

– Как мы поступим с возможным ущербом? Я слышал, что в Тёребуде за время съемок много всего перепортили. Телевизионная компания будет нести за это ответственность?

Эрлинг поспешно фыркнул в сторону, откуда прозвучал вопрос. Молодой руководитель экономического отдела вечно занимается подсчетом мелочей, вместо того чтобы видеть масштабную картину – the big picture, как обычно говорил Эрлинг. Да и, черт возьми, что он может понимать в экономике? Ему не больше тридцати и за всю жизнь едва ли доводилось иметь дело

³ Имеется в виду фильм, называвшийся в отечественном прокате «Покажи мне любовь». Действие фильма разыгрывалось в маленьком провинциальном городке под названием Омель.

⁴ Городок Танумсхеде, где происходит действие романа, входит в округ Танум, и сам городок нередко сокращенно называют Танум.

с такими суммами, по которым Эрлинг порой принимал решения за один-единственный день в удачные для компании годы. Нет, мелких биржевых клерков он недолюбливал.

– Этим нам сейчас заниматься незачем, – веско сказал он конкретному клерку, Эрику Булину. – На фоне увеличения туристского потока, которое нас ожидает, волноваться из-за нескольких разбитых окон явно не стоит. Кроме того, я надеюсь, что полиция приложит максимум усилий к тому, чтобы отрабатывать свою зарплату и держать ситуацию под контролем.

По несколько секунд Эрлинг остановил взгляд на каждом. Такой прием он раньше находил очень удачным, и сейчас тоже сработало: все опустили глаза и запрятали любые возражения поглубже, где им самое место. У них ведь имелась возможность протестовать раньше, а теперь решение принято, в истинно демократическом духе, и сегодня в Танумсхеде придут автобусы с телевизионщиками и участниками шоу.

– Наверное, все будет хорошо, – произнес Йорн Шустер. Он по-прежнему не мог прийти в себя от потрясения, что Эрлинг занял пост главы администрации, почти пятнадцать лет принадлежавший ему.

Эрлинг, в свою очередь, не понимал, зачем Йорн предпочел остаться в руководстве города. Сам он, потерпев такое позорное поражение при голосовании, убрался бы, поджав хвост. Но раз Йорну захотелось остаться после подобного унижения, ради бога. Присутствие старого лиса приносило определенные плюсы, хоть он теперь уже и сделался усталым и, образно говоря, беззубым. У него имелись преданные сторонники, которые вели себя тихо, видя, что Йорн по-прежнему играет в руководстве активную роль.

– Ну, тогда полный вперед. В час я лично поприветствую съемочную группу и, разумеется, приглашаю всех принять в этом участие. А так, встретимся на рядовом заседании в четверг. – Он встал, давая понять, что пора расходиться.

Уно, уходя, еще продолжал бурчать, но Эрлинг все равно считал, что ему замечательно удалось сплотить ряды. Он ощущал запах успеха.

Удовлетворенный, он вышел на веранду и закурил победную сигару. В столовой Вивека молча убирала посуду.

* * *

– Да-да-да-да. – Майя сидела в детском стульчике и лепетала, ловко уворачиваясь от ложки, которую Эрика пыталась засунуть ей в рот.

После нескольких попыток Эрике наконец удалось попасть ложкой с кашей в цель, но радость оказалась недолгой, поскольку Майя тут как раз решила продемонстрировать, что может рычать, как автомобиль. «Бррр» прозвучало с таким вдохновением, что каша равномерным слоем распространилась по лицу Эрики.

– Проклятая девчонка, – устало сказала та и сразу пожалела, что выбрала эти слова.

– Бррр, – весело повторила Майя, благополучно переместив остатки каши изо рта на стол.

– Клятая дечонка, – повторил Адриан, после чего старшая сестра Эмма сердито одернула его.

– Адриан, ругаться нельзя!

– Но Ика ведь лугалась.

– Ругаться все равно нельзя, ведь правда, тетя Эрика, ругаться же нельзя? – Эмма решительно уперла руки в боки и требовательно посмотрела на Эрику.

– Да, конечно нельзя. Я поступила очень глупо, Адриан.

Удовлетворившись таким ответом, Эмма продолжила есть простоквашу. Эрика посмотрела на нее ласково, но с беспокойством. Девочке пришлось слишком быстро повзрослеть. Иногда она вела себя по отношению к Адриану скорее как мама, а не как старшая сестра. Анна,

похоже, не замечала этого, но Эрика видела слишком хорошо. Она по себе знала, каково это – взвалить на себя такую роль в столь юном возрасте.

И теперь она вновь оказалась в этой роли – матери собственной сестры. А одновременно мамой Майи и своего рода дополнительной мамой племянников Эммы и Адриана, в ожидании, пока Анна снова придет в себя. Очищая стол, Эрика бросила взгляд в сторону второго этажа, но там было тихо. Ее сестра редко просыпалась раньше одиннадцати, и Эрика ее не будила – так ей казалось проще.

– Я не хочу сегодня идти в садик, – заявил Адриан, и лицо его приняло такое выражение, которое со всей очевидностью говорило: «и попробуй только меня заставить, посмотрим, что у тебя получится».

– Ты все равно должен идти в садик, Адриан, – сказала Эмма, вновь уперев руки в боки.

Эрика прервала готовую разгореться ссору и, пытаясь по возможности отчистить восьмимесячную дочку, сказала:

– Эмма, иди надевай верхнюю одежду. Адриан, сегодня на такую дискуссию у меня нет сил. Ты пойдешь в садик вместе с Эммой, и обсуждению этот вопрос не подлежит.

Мальчик открыл рот, чтобы протестовать, но что-то в лице тети подсказало ему, что именно в это утро лучше подчиниться, и он с несвойственной ему покорностью двинулся в прихожую.

– Давай-ка обувайся. – Эрика поставила перед Адрианом кроссовки, но тот решительно замотал головой.

– Я не умею, помоги мне.

– Конечно, умеешь, ведь в садике ты обуваясь сам.

– Нет, не умею. Я маленький, – добавил он для верности.

Эрика вздохнула, опустила Майю на пол, и та поползла прочь еще прежде, чем ее руки и колени коснулись пола. Она начала ползать очень рано и теперь достигла в этом отношении вершин мастерства.

– Майя, малышка, остановись, – попросила Эрика, пытаясь натянуть на Адриана кроссовки.

Девочка, однако, предпочла проигнорировать упорные мольбы и радостно пустилась на поиски неизведанных мест. Эрика почувствовала, как на спине и под мышками выступил пот.

– Я могу принести Майю, – услужливо предложила Эмма и, не дождавшись ответа, восприняла это как поощрение.

Вернулась она, слегка пыхтя и неся малышку, которая извивалась у нее в руках, подобно строптивому котенку. Эрика увидела, что лицо дочки стало приобретать красноватый оттенок, обычно сигнализирующий о том, что она намеревается разразиться страшным воплем, и поспешила взять ее. Потом выгнала детей на улицу, к машине. Черт, как она ненавидит эти утренние сборы!

– Быстро в машину, у нас мало времени. Мы опять опоздаем, а вы знаете, что фрёкен Эва этого не любит.

– Не любит, – подтвердила Эмма, озабоченно покачав головой.

– Да, действительно не любит, – сказала Эрика, пристегивая Майю ремнями к детскому сиденью.

– Я хочу сидеть впереди, – заявил Адриан, сердито скрестив руки на груди и приготовившись к битве. Но тут терпению Эрики пришел конец.

– Садись на свой стульчик! – прорычала она и испытала некоторое удовлетворение, увидев, как малыш буквально вспорхнул на положенное место.

Эмма уселась на откинутую посередине заднего сиденья спинку и сама пристегнула ремень. Эрика принялась чуть резкими движениями пристегивать Адриана, но приостановилась, вдруг почувствовав, что ее щеки коснулась детская ручка.

– Я лю-ю-люблю тебя, Ика, – сказал Адриан, изо всех сил стараясь принять такой ласковый вид, как умел только он один. Это была явная попытка подлизнуться, но она каждый раз срабатывала.

Эрика почувствовала, что у нее разрывается сердце, наклонилась и крепко поцеловала мальчика.

Перед тем как тронуться с места, она бросила беспокойный взгляд на окно спальни Анны. Штора была по-прежнему опущена.

* * *

Йонна прислонилась лбом к прохладному окну автобуса и стала смотреть на мелькавший за ним пейзаж. Ее переполняло безразличие – как всегда. Она оттянула рукава свитера так, что они полностью скрыли кончики пальцев: с годами это стало навязчивой привычкой. Что она вообще тут делает? Как она во все это влипла? Почему за ее повседневной жизнью наблюдают с таким восхищением? Понять это Йонна не могла. Издерганная, чудаковатая, одинокая, дура-резальщица. Впрочем, возможно, именно поэтому за то, чтобы она оставалась в «Доме», и голосуют неделю за неделей. Ведь таких девчонок, как она, полным-полно по всей стране. Девчонок, с жадностью узнающих себя в ней, когда она постоянно вступает в противоборство с остальными участницами или сидит, рыдая, в ванной и кромсает себе руки бритвой; она излучает такое бессилие и отчаяние, что остальные обитатели «Дома» шарахаются от нее как от бешеной. Возможно, поэтому.

– Господи, как увлекательно! Представить только, что нам реально выпал шанс! – В голосе Барби Йонна слышала напряженное ожидание, но попросту ее игнорировала.

Само имя соседки вызывало у нее тошноту, однако газеты его обожали, и оно постоянно присутствовало на рекламных анонсах. По-настоящему девушку звали Лиллемур Перссон – до этого докопалось одно из вечерних изданий. Там также разыскали ее старые фотографии тех времен, когда она была еще тоненькой темноволосой девчушкой в слишком больших очках, не имевшей ничего общего с теперешней, накачанной силиконом белокурой красоткой. В «Дом» принесли экземпляр той газеты; увидев их, Йонна от души посмеялась, но Барби расплакалась, а потом сожгла газету.

– Посмотри, как много народу! – Барби возбужденно показала на толпу на том месте, куда, похоже, направлялся автобус. – Йонна, ты понимаешь, ведь они собрались ради нас, ты понимаешь? – Она просто не могла усидеть на месте, и Йонна бросила на нее презрительный взгляд. Потом надела наушники плеера и закрыла глаза.

* * *

Патрик медленно обошел вокруг машины. Она съехала с крутого откоса и под конец уткнулась в дерево. Передняя часть основательно смята, но в остальном машина не пострадала. Скорость явно была небольшой.

– Водителя, похоже, ударило о руль. Полагаю, это и стало причиной смерти, – заключила Ханна, сидя на корточках с водительской стороны.

– Давай предоставим это патологоанатому, – откликнулся Патрик и почувствовал, что реплика прозвучала чуть резче, чем хотелось. – Я просто имею в виду...

– Все нормально, – сказала Ханна, махнув рукой. – Это был глупый комментарий. Впредь ограничусь наблюдением, не делая выводов... пока, – добавила она.

Патрик еще раз обошел вокруг машины и уселся на корточки рядом с Ханной. Дверца с водительской стороны была распахнута, а угодивший в аварию человек так и сидел, пристегнутый ремнем, уронив голову на руль. Текшая по его лицу кровь кое-где закапала пол.

Вдруг они услышали, как один из сотрудников технической службы щелкает позади них фотоаппаратом, чтобы задокументировать место аварии.

– Мы мешаем? – спросил Патрик, оборачиваясь.

– Нет, мы уже засняли почти все, что надо. Теперь хотим распрямить жертву и сделать пару снимков. Можно? Вы уже все осмотрели?

– Как тебе кажется, Ханна? – спросил Патрик, стараясь подключить коллегу к работе. Новеньким всегда непросто, и ему хотелось облегчить ей задачу.

– Думаю, да.

Они с Патриком поднялись и отошли в сторону, пропуская техника вперед. Тот осторожно взял жертву за плечи и прислонил голову к подголовнику. Только тут они увидели, что перед ними женщина. Из-за коротких волос и нейтральной одежды они сначала приняли ее за мужчину, но лицо не оставляло сомнений – в аварию попала женщина лет сорока.

– Это Марит, – сказал Патрик.

– Марит? – переспросила Ханна.

– Она держит маленький магазинчик на Афферсвеген. Торгует чаем, кофе, шоколадом и тому подобным.

– А семья у нее есть? – спросила Ханна немного странным голосом, и Патрик поспешно взглянул на нее, но ничего необычного не заметил и решил, что ему почудилось.

– Честно говоря, не знаю. Нам придется это выяснить.

Техник закончил съемку и отошел. Патрик шагнул вперед, и Ханна последовала за ним.

– Осторожно, ничего не трогай, – механически предупредил Патрик и продолжил, прежде чем коллега успела ответить: – Прости, я все время забываю, что ты новичок только у нас, а не в полиции. Тебе придется проявить ко мне некоторую снисходительность, – сказал он извиняющимся тоном.

– Излишней деликатности не требуется, – засмеялась новая сотрудница. – Я не настолько ранима.

Патрик тоже с облегчением рассмеялся. Он даже не представлял себе, насколько привык работать с людьми, которых хорошо знает и понимает все их действия. Вероятно, новая кровь пойдет на пользу. Кроме того, сам факт замены Эрнста кем-то другим – уже выигрыш. То, что того выгнали после, мягко говоря, самоуправства осенью, представлялось... да, просто чудом!

– Ну, что ты видишь? – спросил Патрик, склоняясь к лицу Марит.

– Я не столько вижу, сколько чувствую. – Ханна пару раз повела носом. – Откровенно воняет спиртным. Она явно была в стельку пьяна, когда съехала с дороги.

– Да, дело, безусловно, обстоит именно так, – сказал Патрик с некоторым сомнением в голосе.

Озабоченно наморщив лоб, он заглянул в машину, но ничего необычного не заметил. Пакетик от конфет на полу, пластиковая бутылка из-под кока-колы, страничка, вырванная из какой-то книги, и еще – в дальнем углу, с пассажирской стороны, на полу бутылка из-под водки.

– Кажется, ничего сложного. Просто разбился пьяный водитель. – Ханна отступила на несколько шагов и, похоже, начала готовиться к отъезду. «Скорая помощь» уже стояла наготове, чтобы увезти труп, и делать им тут вроде больше было нечего.

Патрик еще ближе склонился к лицу жертвы и внимательно изучил полученные повреждения. Что-то не сходилось.

– Можно, я сотру с лица кровь? – спросил он одного из техников, упаковывавших оборудование.

– Да, у нас, пожалуй, вполне достаточно документации. Вот тебе тряпка. – Техник протянул ему кусок белой ткани, и Патрик благодарно кивнул.

Осторожно, почти с нежностью, он начал стирать кровь, вытекшую в основном из раны на лбу. Глаза у женщины были открыты, и, прежде чем продолжить, Патрик тихонько закрыл

их указательными пальцами. Под кровью оказалось множество ран и синяков. Руль ударил по лицу со всей силы, поскольку машина была старой модели и не имела подушки безопасности.

– Можешь сделать еще парочку снимков? – спросил Патрик парня, давшего ему тряпку. Тот кивнул и взялся за фотоаппарат. Быстро щелкнув несколько раз, он вопросительно посмотрел на Патрика.

– Достаточно, – сказал тот и подошел к Ханне, смотревшей на него с некоторым недоумением.

– Что ты там увидел?

– Сам не знаю, – честно ответил Патрик. – Только что-то... не знаю... – Он махнул рукой, дескать, не обращай внимания. – Наверняка ничего особенного. Поехали обратно, не будем мешать им заканчивать работу.

Они сели в машину и двинулись в сторону Танумсхеде. Всю обратную дорогу в машине царил странная тишина. Что-то в этой тишине Патрика настораживало, однако, что именно, он не знал.

* * *

У Бертиля Мельберга было удивительно легко на душе. Так он чувствовал себя, только общаясь с Симоном – сыном, о существовании которого в течение пятнадцати лет даже не подозревал. Симон навещал его не слишком часто, к сожалению, но все-таки навещал, и им удалось установить хоть какие-то отношения – не задушевные, никак не проявлявшиеся внешне, а существовавшие как бы исподволь.

Такое труднообъяснимое состояние души имело непосредственную связь с удивительным событием, произошедшим в субботу. После нескольких месяцев нажима и приставаний со стороны Стена, его хорошего или, вернее, единственного друга, которого, пожалуй, правильнее было бы назвать просто знакомым, он согласился поехать с ним в Мункедаль, где устраивались танцы на гумне. Хотя Мельберг и считал себя вполне приличным танцором, но танцы на гумне – это отдавало каким-то фольклором. Однако Стен навещался туда регулярно и сумел под конец убедить его в том, что сельские танцы не только отличаются приятной людям их поколения музыкой, но и являют собой замечательные охотничьи уголья. По словам Стена, «они сидят в рядок и только того и ждут, чтобы их подцепили». Привлекательность этого момента Мельберг отрицать не мог – в последние годы с женщинами дела у него обстояли неважно, и он чувствовал потребность немного поразмяться. Правда, испытывал известный скептицизм, прекрасно представляя себе, какой тип женщин ходит танцевать на гумно – отчаявшиеся старые страхолюдины, скорее мечтающие впиться когтями в старика с хорошей пенсией, чем покувыркаться на соломе. Однако он рассудил, что если в чем и преуспел, так это в умении увертываться от жаждущих брака старух, а потому все-таки решился поехать и попытать счастья в охоте. На всякий случай надел выходной костюм и немного побрызгался в разных местах «приятным ароматом». Стен зашел за ним, и они немного подкрепились перед дорогой, слегка залив за галстук. Поскольку Стен предусмотрительно договорился о том, что их подбросят, заботиться о трезвости не было необходимости. Не то чтобы Мельберг имел обыкновение излишне беспокоиться по этому поводу, однако попадаться в руки полиции в нетрезвом виде за рулем ему явно не стоило. После инцидента с Эрнстом начальство не спускало с него глаз, так что следовало вести себя примерно. Или, по крайней мере, создавать иллюзию примерного поведения. А если все шито-крыто, это никого не касается...

Однако, невзирая на все приготовления, Мельберг не питал особых надежд, когда переступил порог большого зала, где танцы уже были в полном разгаре. И, конечно, его опасения подтвердились – куда ни глянь, одни тетки его возраста. Он полностью разделял мнение Уффе

Лунделя⁵: кому, черт побери, нужно в постели старое, морщинистое, дряблое тело, когда за ее пределами имеется столько упругих, прекрасных и молодых. Правда, Мельберг вынужден был признать, что успехи Уффе Лунделя на данном фронте несколько превосходили его собственные – и все благодаря шумихе, поднятой вокруг рок-звезды. Проклятая несправедливость.

Он как раз собирался пойти еще немного поддать, но тут услышал, как к нему кто-то обращается:

– Что за место! Стоишь и чувствуешь себя старухой.

– Да, я здесь оказался не по доброй воле, – ответил Мельберг, устремив взгляд на остановившуюся возле него женщину.

– Я тоже. Меня притащила сюда Будиль, – сообщила женщина, указывая на одну из дам, уже обливавшихся потом на танцплощадке.

– А меня Стен, – пояснил Мельберг, тоже показав на танцплощадку.

– Меня зовут Роз-Мари, – представилась она и протянула руку.

– Бертиль, – ответил Мельберг.

И стоило его руке коснуться ее ладони, как жизнь его в ту же секунду переменялась. За свои шестьдесят три года он, случалось, испытывал по отношению к попадавшимся на пути женщинам желание, похоть и жажду обладания. Но влюбляться ему прежде не доводилось, что сделало удар еще более сокрушительным. Мельберг стал с изумлением разглядывать ее. Его объективное «я» отмечало женщину лет шестидесяти, примерно метр шестьдесят ростом, чуть полноватую, с короткими, выкрашенными в ярко-рыжий цвет волосами и веселой улыбкой. А субъективное «я» видело только ее глаза – голубые, рассматривающие его пристально и с любопытством. Он почувствовал, что тонет в них, как обычно пишется в плохих бульварных романах.

Остаток вечера пролетел чересчур быстро. Они танцевали и разговаривали, он принес ей попить и пододвинул стул – подобные действия были отнюдь не в его привычках, но в тот вечер все выходило за рамки обычного.

Когда они расстались, Мельберг сразу ощутил растерянность и опустошенность. Ему требовалось снова с ней встретиться. И вот, в понедельник утром, он сидел на работе, чувствуя себя как школьник. На письменном столе перед ним лежал листок бумаги с ее именем и написанным снизу номером телефона.

Мельберг посмотрел на листок, глубоко вздохнул и набрал номер.

* * *

Они вновь поругались. В который по счету раз, она даже не знала. Слишком часто ссоры выливались у них в словесные перепалки. Каждая, как всегда, отстаивала свою позицию: Керстин считала, что им следует открыться, Марит хотела и дальше сохранять все в тайне.

– Ты стыдишься меня... нас? – кричала Керстин.

Марит же в очередной раз отводила взгляд, стараясь не смотреть ей в глаза, поскольку в этом-то и заключалась проблема: их связывали любовные отношения, и Марит этого стыдилась.

Поначалу Керстин убедила себя в том, что ей все равно – главное, что они встретились. После того как обеих изрядно побил жизнь и люди основательно изранили их души, им все-таки удалось обрести друг друга, а в таком случае какую роль может играть пол любимого человека? Какая разница, что говорят и думают окружающие? Но Марит смотрела на это по-другому. Она была не готова выслушивать предвзятые суждения посторонних и хотела, чтобы все оставалось так же, как в последние четыре года – чтобы они продолжали заниматься любо-

⁵ Ульф Лундель – шведский писатель, рок-поэт, музыкант.

вью, делая вид, будто являются просто подругами, которым по материальным соображениям удобнее жить в одной квартире.

– Как ты можешь придавать такое значение тому, что говорят люди? – добивалась Керстин во время вчерашней ссоры.

Марит плакала, как и всегда во время стычек. И гнев Керстин, как обычно, только нарастал – слезы действовали как своего рода горючее для злости, примостившейся за стеной, которую возвела тайна. Керстин ненавидела то, что ей приходится заставлять Марит плакать, что окружающий мир и обстоятельства вынуждают ее ранить самого любимого человека на свете.

– Представь, каково придется Софи, если все выйдет наружу!

– Софи куда сильнее, чем ты думаешь! Нечего прикрывать ею собственную трусость!

– Какая же, по-твоему, требуется сила, когда тебе пятнадцать лет, а тебя дразнят тем, что твоя мать лесбиянка? Ты хоть понимаешь, какой ад у нее начнется в школе? Я не могу ее так подставить! – Лицо Марит скривилось, превратившись от слез в уродливую маску.

– Неужели ты и вправду думаешь, что Софи до сих пор ничего не поняла? Неужели ты действительно считаешь, что нам удастся провести ее тем, что ты переезжаешь в гостиную на те недели, когда она живет у нас и мы разыгрываем перед ней какой-то спектакль? Послушай, Софи давным-давно в курсе! И, будь я на ее месте, я бы больше стыдилась мамы, которая готова жить в этом проклятом вранье только ради того, чтобы «люди» не стали говорить! Вот чего я бы стыдилась!

К этому времени Керстин кричала уже так громко, что сама слышала, как у нее срывается голос. Марит смотрела на нее с обиженным выражением лица, которое Керстин с годами научилась ненавидеть, по опыту зная, что последует дальше. И действительно, Марит вскочила из-за стола и, всхлипывая, надела куртку.

– Ну и отправляйся к черту! Ты же всякий раз сбегаешь! Вали! И на этот раз можешь не возвращаться!

Когда дверь за Марит захлопнулась, Керстин опустила за кухонный стол. Она глубоко и тяжело дышала, словно после бега. В каком-то смысле так оно и было – после погони за жизнью, о которой она для них мечтала, но которая из-за трусости Марит оказывалась недосягаемой. И впервые Керстин произнесла последние слова на полном серьезе. Что-то изнутри подсказывало, что ее терпение на исходе.

Однако утром следующего дня это чувство сменилось глубокой и мучительной тревогой. Она не спала всю ночь. Ждала, что дверь откроется, надеялась услышать звук знакомых шагов, мечтала обнять, утешить и попросить прощения. Но Марит домой не вернулась. Ключей от машины на месте не было – это Керстин проверила еще ночью. Куда она, черт возьми, подевалась? Что-то случилось? Может, поехала домой, к бывшему мужу – отцу Софи? Или взяла и рванула к матери в Осло?

Дрожащей рукой Керстин подняла трубку, чтобы начать всех обзванивать.

* * *

– Какое, вы полагаете, значение это будет иметь для развития туристической отрасли в регионе Танума? – Репортер из местной газеты стоял с ручкой и блокнотом наготове, собираясь записывать ответы.

– Колоссальное. Просто-напросто колоссальное. В течение пяти недель по телевидению отсюда, из Танумсхеды, будут ежедневно передаваться получасовые серии – такого маркетинга наш край еще не видывал! – Эрлинг довольно улыбался.

В ожидании автобуса с участниками перед зданием старого краевого клуба собралось много народа – в основном тинейджеры, которые едва могли стоять спокойно, сгорая от нетерпения наконец увидеть своих идиолов живьем.

– А не может ли получиться обратный эффект? Я хочу сказать, что в прошлые сезоны все это вылилось скорее в драки, секс и пьянство, а такое ведь едва ли может служить рекламой и приманкой для туристов?

Эрлинг взглянул на репортера с некоторым раздражением. Почему людям вечно надо выискивать всякую грязь? Он уже получил свою порцию от чиновников, а теперь еще местная пресса начинает гундосить на ту же тему.

– Да, но вы, вероятно, слышали выражение «черный пиар – тоже пиар». По правде говоря, ведь Танумсхедде влачит довольно жалкое существование – в масштабах страны. Теперь же благодаря шоу «Покажи мне Танум» все изменится.

– Разумеется, – начал репортер, но Эрлинг, уже теряющий терпение, не дал ему договорить.

– Для дальнейших комментариев у меня сейчас, к сожалению, нет времени, я должен приветствовать гостей. – Он развернулся и направился в сторону как раз подъехавшего автобуса.

Молодежь в нетерпении столпилась перед дверью, с горящими взорами ожидая, пока она откроется. Эрлингу было достаточно взглянуть на них, чтобы утвердиться во мнении, что его краю именно этого и недоставало. Теперь Танумсхедде наверняка получит широкую известность.

Когда дверь автобуса с шипением отъехала в сторону, первым из нее вышел мужчина лет сорока. Разочарованные взгляды тинейджеров свидетельствовали о том, что он не из числа участников. Эрлинг не смотрел ни одного реалити-шоу, а потому не имел ни малейшего представления, кого или чего ему следовало ждать.

– Эрлинг В. Ларсон, – представился он и протянул руку, одновременно включая самую обаятельную улыбку. Фотоаппараты защелкали.

– Фредрик Рен, – ответил мужчина, хватаясь за протянутую ладонь. – Мы общались по телефону. Я продюсер этого цирка. – Теперь они улыбались уже оба.

– Добро пожаловать в Танумсхедде! Я хочу от имени края сказать, что мы очень счастливы и горды тем, что принимаем вас у себя, и надеемся на очень увлекательный сезон.

– Большое спасибо. Да, у нас немалые надежды. После двух успешных сезонов мы чувствуем себя очень уверенно, мы знаем, что это перспективный формат, и надеемся на плодотворное сотрудничество. Однако, думаю, нам не следует дольше томить молодежь, – сказал Фредрик, улыбаясь разгоряченной публике широкой и белоснежной улыбкой. – Вот они. Действующие лица шоу «Покажи мне Танум»: Барби из «Большого Брата», Йонна – «Большой Брат», Калле – «Робинзон», Тина – «Бар», Уффе – «Робинзон» и последний по очереди, но не по значению Мехмет из «Фермы».

Участники стали один за другим выскакивать из автобуса, и началась истерия. Люди кричали, показывали пальцами и пробивались вперед, чтобы прикоснуться к ним или попросить автограф. Операторы уже полностью включились в работу и усердно снимали. Эрлинг с удовлетворением, но несколько озадаченно наблюдал за восторженной реакцией, которую вызвало прибытие участников, невольно задумавшись над тем, что же представляет собой нынешняя молодежь. Почему это сборище сопляков и оборванцев вызывает такой ажиотаж? Впрочем, ему незачем в этом разбираться, главное – максимально использовать внимание, которое программа привлечет к Танумсхедде. Если потом, когда успех станет фактом, он предстанет великим благодетелем края, то это, разумеется, будет приятным побочным эффектом.

– Ну-ну, пора заканчивать. Вам еще представится много возможностей пообщаться с участниками – они ведь проведут здесь пять недель. – Фредрик принялся разгонять по-прежнему толпившуюся вокруг автобуса молодежь. – Участникам надо дать время устроиться и немного отдохнуть. Но вы ведь включите телевизор на следующей неделе? Понедельник, девят-

надцать ноль-ноль, тогда все и начнется! – Он поднял вверх оба больших пальца и выдал еще одну неестественную улыбку.

Молодежь стала неохотно расходиться: большинство – по направлению к школе, а небольшая компания явно посчитала это прекрасным поводом наплевать на занятия и двинулась в сторону местного супермаркета.

– Ну, начало явно предвещает успех, – сказал Фредрик, приобняв за плечи Барби и Йонну. – Что скажете, детки, вы готовы к старту?

– Абсолютно, – отозвалась Барби, сверкнув глазами. Шумиха всегда подбрасывала ей адrenalина, и она даже немного подпрыгивала.

– А ты, Йонна, как себя ощущаешь?

– Нормально, – пробормотала та. – Хорошо бы все-таки распаковать вещи.

– Это мы сейчас устроим, деточка, – пообещал Фредрик, еще сильнее сжав ее плечо. – Главное, знаешь ли, чтобы вы себя хорошо чувствовали. – Он обратился к Эрлингу: – Жилье готово?

– Ну разумеется. – Эрлинг указал на довольно старое красное здание всего в пятидесяти метрах от того места, где они находились. – Они будут жить в краевом клубе. Мы установили там кровати и все такое, и, думаю, вам там понравится.

– Наплевать, главное, чтоб выпивка имелась, а спать, блин, можно где угодно, – высказался Мехмет, и за его комментарием последовали фырканье и согласные кивки остальных. Бесплатное спиртное ставилось условием их участия в программе. Помимо этого, все возможности для секса, к которому располагала их популярность.

– Успокойся, Мехмет, – с улыбкой сказал Фредрик. – У нас имеется основательный бар на все вкусы. Кроме того, пара ящиков пива, а если закончится, подвезут еще. Ты же знаешь, что мы о вас заботимся.

Он уже намеревался на этот раз обнять за плечи Мехмета и Уффе, но те увернулись. Они почти сразу наделили продюсера определением «отъявленный гомосек» и не имели ни малейшего желания нежничать с гомиком, пусть зарубит себе на носу. Правда, им следовало проявлять осторожность – с продюсером, как советовали участники предыдущих сезонов, надо быть в хороших отношениях. От него зависело, кто получит больше эфирного времени, а кто меньше, а засчитывалось только время, проведенное на экране. Будешь ты там блевать, или писать на пол, или оскандалиться каким-нибудь другим способом – никакого значения не имело.

Эрлинг о таком даже не подозревал. Он слыхом не слыхивал о разогреве звезд или о тяжелой работе во имя свинства, которое требовалась для того, чтобы удержаться в лучах рампы в качестве звезды реалити-шоу. Нет, его интересовал только будущий расцвет Танума. А также чтобы о нем говорили как о человеке, который способствовал этому расцвету.

* * *

Когда Анна спустилась из спальни, Эрика уже успела пообедать. Но хотя часы показывали начало второго, выглядела Анна так, будто не смыкала глаз. Она всегда была стройной, но теперь настолько исхудала, что Эрике иногда с трудом удавалось не ахать при виде ее.

– Который час? – спросила Анна слегка дрожащим голосом. Она села за стол и взяла протянутую Эрикой чашку с кофе.

– Четверть второго.

– Та-та, – произнесла Майя и радостно помахала Анне рукой, пытаясь привлечь ее внимание, но та даже не заметила.

– Черт, неужели я проспала до начала второго? Почему ты меня не разбудила? – спросила она, маленькими глотками отпивая горячий кофе.

– Ну, я не знала, надо ли. Мне казалось, тебе стоит поспать, – осторожно ответила Эрика, тоже усаживаясь за кухонный стол.

Их отношения уже давно сложились таким образом, что Эрике всегда приходилось следить за своим языком, и произошедшее с Лукасом ничего в лучшую сторону не изменило. Сам факт, что они с Анной вновь оказались под одной крышей, постепенно вернул их к старой модели взаимоотношений, от которой они обе так старательно пытались уйти. Эрика автоматически опять стала играть по отношению к сестре привычную роль матери, а Анна, казалось, разрывалась между желанием, чтобы о ней заботились, и стремлением против этого восставать. В последние месяцы в доме царила гнетущая атмосфера, многое оставалось невысказанным и висело в воздухе в ожидании подходящего случая. Однако поскольку Анна по-прежнему пребывала в шоковом состоянии, из которого, похоже, никак не могла выбраться, Эрика ходила вокруг нее на цыпочках, смертельно боясь сделать или сказать что-нибудь не то.

– А дети? Они отправились в садик вовремя?

– Да, конечно, без проблем, – ответила Эрика, умышленно умолчав о маленьком демарше Адриана.

На детей у Анны теперь не хватало терпения. Большинство практических забот упало на Эрику, и стоило детям начать хоть слегка ссориться, как Анна устранялась, предоставляя разбираться с ними сестре. Она бессильно бродила по дому, похожая на выжатый лимон, и пыталась отыскать то, что когда-то держало ее на плаву. Эрика безумно за нее волновалась.

– Анна, постарайся успокоиться. Может быть, тебе с кем-нибудь поговорить? Нам порекомендовали психолога, который считается просто великолепным, и я думаю, что тебе...

Анна резко оборвала ее.

– Говорю тебе, нет. Я должна справиться сама. Это моя вина, я убила человека. Я не могу изливать душу постороннему, мне необходимо разобраться своими силами. – Рука, державшая чашку, сдавила ее с такой силой, что косточки пальцев побелели.

– Анна, я знаю, что мы говорили об этом уже тысячу раз, но я повторяю: ты не совершала убийства, это была самооборона. И ты защищала не только себя, но и детей. Никто в этом не усомнился, ведь тебя полностью оправдали. Лукас убил бы тебя, вопрос стоял так: либо ты, либо он.

От слов Эрики лицо Анны слегка задергалось, а сидевшая в детском стульчике Майя почувствовала напряжение в воздухе и захныкала.

– Я... не... в... силах... говорить... об... этом, – сжав зубы, произнесла Анна. – Я пойду обратно наверх и лягу. Ты забереешь детей? – Она встала и оставила Эрику на кухне в одиночестве.

– Конечно, заберу, – ответила Эрика, чувствуя, как подступают слезы. Ей уже едва хватало сил. Кто-то должен что-либо предпринять.

Потом ей пришла в голову мысль. Она подняла трубку и по памяти набрала номер. Стоило хотя бы попробовать.

* * *

Ханна отправилась прямо в свой новый кабинет и начала обустраиваться. Патрик же дошел до каморки Мартина Мулина и осторожно постучал в дверь.

– Войдите.

Патрик зашел и привычно уселся на стул перед столом Мартина. Они много работали вместе и нередко сживали друг у друга на стульях для посетителей.

– Я слышал, что вы выезжали на место ДТП. Жертвы есть?

– Да, водитель. Там разбилась одна машина. Жертву я опознал. Это Марит, хозяйка магазинчика на Афферсвеген.

– Вот дьявол, – вздохнул Мартин. – Какая нелепость. Она пыталась увернуться от косули или что-то в этом роде?

Патрик засомневался.

– На месте работали техники, и их отчет вместе с отчетом патологоанатомов, вероятно, даст окончательный ответ. Но вся машина буквально провоняла водкой.

– Вот дьявол, – повторил Мартин. – Иными словами, села за руль пьяной. Хотя мне кажется, что она в таком уличена еще не была. Возможно, поехала пьяной впервые или просто раньше не попадалась.

– Да-а, – медленно произнес Патрик. – Может, и так.

– Но? – сцепив руки за головой, спросил Мартин. На фоне белых ладоней его рыжие волосы казались особенно яркими. – По голосу слышу, ты чем-то смущен. Я тебя уже достаточно хорошо знаю, чтобы чувствовать, когда что-то не так.

– Эх, не знаю, – ответил Патрик. – У меня нет ничего конкретного. Просто что-то показалось мне... неправильным, но я толком не могу понять, что именно.

– Чутье тебя обычно не подводит, – озабоченно сказал Мартин, раскачиваясь на стуле. – Однако, пожалуй, нам лучше подождать результатов экспертизы. Как только техники и патологоанатом разберутся, мы будем знать больше. Может, им удастся найти объяснение тому, что показалось странным.

– Да, ты прав, – откликнулся Патрик, задумчиво почесывая голову. – Но... нет, ты прав, пока мы не узнаем побольше, строить предположения бессмысленно. Надо сконцентрироваться на том, что в наших силах. К сожалению, это означает, что сейчас надо ехать, извещать родных Марит. Ты не знаешь, у нее есть семья?

Мартин наморщил лоб.

– Насколько мне известно, у нее есть дочка подросткового возраста, а живет Марит с подругой. Об их совместном проживании немного шептались, но я не знаю...

Патрик вздохнул.

– Придется поехать к ней домой и разобраться.

Заглянув в телефонный справочник, они узнали, что Марит живет в высотном доме в нескольких сотнях метров от здания полиции, и через десять минут уже звонили в дверь квартиры. Оба тяжело дышали. Им предстояло выполнить самое ненавистное для полицейского задание. Только услышав за дверью шаги, они сообразили, что в такое время дня дома вполне могло никого и не оказаться.

Открывшая дверь женщина сразу поняла цель их визита: Мартин с Патриком увидели это по ее резко побледневшему лицу и по тому, как обреченно поникли у нее плечи.

– Ведь вы по поводу Марит, да? Что-то случилось? – Голос у нее дрожал, но она отступила в сторону, пропуская посетителей в прихожую.

– Да, к сожалению, у нас печальные новости. Марит Касперсен разбилась на машине. Она... погибла, – тихо сказал Патрик.

Женщина перед ними замерла на месте, словно ее сковало морозом и мозг не в силах посылать сигналы к мускулам. Ее сознание явно пыталось переварить полученную информацию.

– Хотите кофе? – наконец спросила она и, не дожидаясь ответа, двинулась подобно роботу в сторону кухни.

– Может, кому-нибудь позвонить? – спросил Мартин.

Женщина явно находилась в шоковом состоянии. Ее каштановые волосы были практически пострижены под пажа, и она непрерывно заправляла их за уши. Она была очень худенькой, одетой в джинсы и вязаную кофту типично норвежской модели, с красивым сложным узором и большими серебряными застёжками с орнаментом.

Керстин помотала головой.

– Нет, у меня никого нет. Никого, кроме... Марит. И, естественно, Софи. Но она у отца.

– Софи – это дочь Марит? – уточнил Патрик и знаком отказался, когда Керстин, налив в три чашки кофе, вопросительно подняла пакет молока.

– Да, ей пятнадцать лет. Сейчас неделя Улы. Софи живет неделю у нас с Марит, а неделю у Улы во Фьельбаке.

– Вы с Марит были близкими подругами? – Патрик чувствовал некоторую неловкость, задавая такой вопрос, но не знал, как лучше подойти к нужной теме. В ожидании ответа он глотнул кофе: тот оказался хорошим, крепким, как раз в его вкусе.

Кривая усмешка на лице Керстин показывала: она понимает, что его интересует. Когда она заговорила, глаза у нее наполнились слезами.

– Мы были подругами в те недели, когда Софи жила здесь, и любовницами, когда она жила у Улы. Из-за этого мы... – Ее голос оборвался, по щекам потекли слезы. Она немного поплакала, а затем волевым усилием вновь заставила голос подчиняться и продолжила: – Из-за этого мы и поссорились вчера вечером. В сотый раз. Марит хотела сохранить наши отношения в тайне, а я задыхалась и хотела открытости. Она ссылалась на Софи, но это было лишь отговоркой. Она сама была не готова к косым взглядам и пересудам. Я пыталась объяснить ей, что от этого все равно не уйти, ведь на нас уже и так косятся и сплетничают. Заяви мы открыто о наших отношениях, народ поначалу, конечно, немного бы посудачил, но я твердо уверена, что постепенно все бы улеглось. Но Марит не решалась прислушаться ко мне. Она много лет прожила как самая обычная шведка – с мужем и ребенком, собственным домом, поездками в отпуск на машине с автоприцепом и так далее, – и мысль о том, что она может испытывать чувства к женщинам, загонялась ею в самые потайные уголки души. Но когда мы встретились, ей показалось, что все встало на свои места. Во всяком случае, Марит описывала мне это именно так. Она смирилась с последствиями, оставила Улу и переехала ко мне. Однако отстаивать свою позицию не отваживалась. Из-за этого мы вчера и поругались. – Керстин потянулась за салфеткой и громко высморкалась.

– В котором часу она ушла? – спросил Патрик.

– Около восьми. Думаю, в четверть девятого. Я поняла, что с ней что-то произошло. Она не могла исчезнуть на всю ночь. Но звонок в полицию ведь всегда оттягиваешь. Я думала, она поехала к кому-нибудь или просто бродила всю ночь, или нет, я даже не знаю, что на самом деле и думала. Когда вы пришли, я как раз собиралась начать обзванивать больницы и, если бы не обнаружила ее там, позвонила бы вам.

От слез у нее снова потекло из носа, и ей опять пришлось сморкаться. Патрик видел, как к горю и боли у женщины примешивается самобичевание, и ему хотелось сказать что-нибудь такое, что избавило бы ее хотя бы от упреков по отношению к себе. Но вместо этого ему приходилось все только усугублять.

– Мы... – Он поколебался, откашлялся и продолжил: – ...мы подозреваем, что во время аварии она находилась под сильным воздействием алкоголя. У нее были... с этим проблемы?

Он отпил еще один глоток кофе, и на секунду ему захотелось оказаться где-нибудь в другом месте, подальше отсюда, от этой кухни с такими вопросами и горем. Керстин посмотрела на него с удивлением.

– Марит вообще не пила спиртного. Во всяком случае, с момента нашего знакомства, а это более четырех лет. Ей не нравился сам вкус алкоголя, она не пила даже сидра.

Патрик многозначительно посмотрел на Мартина. Еще одна странная деталь добавилась к тому неуловимому, что не давало ему покоя с тех пор, как он несколькими часами раньше осматривал место аварии.

– Вы совершенно уверены? – Вопрос прозвучал глупо, она ведь уже на него ответила, но нельзя было оставлять никаких неясностей.

– Да, абсолютно! Я никогда, никогда не видела, чтобы она пила водку, или вино, или пиво, или что-нибудь подобное, а представить, чтобы она выпила водки, а потом села за руль... нет, такого просто быть не может. Я не понимаю... – Керстин растерянно переводила взгляд с Патрика на Мартина. Сказанное ими было лишено всякого смысла – Марит не пила, и все тут.

– Где мы можем найти ее дочь? У вас есть адрес бывшего мужа Марит? – спросил Мартин, вынимая блокнот и ручку.

– Он живет во Фьельбаке, в районе Кулленомродет. Здесь у меня имеется точный адрес. – Она сняла с доски на стене листочек и протянула Мартину. Вид у нее по-прежнему был растерянный, и от удивления слезы на некоторое время прекратились.

– Вы точно не хотите, чтобы мы кому-нибудь позвонили? – спросил Патрик, поднимаясь из-за стола.

– Нет. Я... мне больше всего хочется побыть одной.

– Хорошо. Но если что, звоните. – Патрик оставил ей свою карточку.

Перед тем как вслед за Мартином покинуть квартиру и захлопнуть входную дверь, он обернулся. Керстин по-прежнему сидела за кухонным столом. Совершенно неподвижно.

* * *

– Анника! Новая девица уже появилась? – проревел Мельберг на весь коридор.

– Да! – откликнулась Анника, не покидая секретарского места.

– Где же она? – продолжил перекрикиваться Мельберг.

– Здесь, – ответил женский голос, и через секунду в коридоре появилась Ханна.

– Вот, значит, как, ну, если ты не слишком занята, может, у тебя есть желание зайти, представиться, – язвительным тоном сказал он. – Вообще-то принято заходить к новому начальнику и знакомиться. Обычно это первое, что делают на новом рабочем месте.

– Прошу прощения, – серьезно сказала Ханна, подходя к Мельбергу и протягивая руку. – Когда я пришла, Патрик Хедстрём сразу взял меня с собой на срочный выезд, и я только что вернулась. Разумеется, я как раз собиралась к вам зайти. Первым делом хочу сказать, что слышала чрезвычайно хорошие отзывы о работе вашего подразделения. В последние годы вы с таким успехом раскрываете убийства, и ходит много разговоров о том, какое тут, вероятно, прекрасное руководство, раз такое маленькое отделение сумело провести расследования столь идеальным образом.

Она крепко пожала ему руку, и Мельберг посмотрел на нее с подозрением, пытаясь определить, присутствует ли в сказанном какая-нибудь доля иронии. Однако взгляд у Ханны был серьезным, и он быстро решил проглотить похвалу целиком. Может, и неплохо, что у них появится женщина в форме. Да и выглядит она приятно. Немного худовата, на его вкус, но недурна, совсем недурна. Правда, после состоявшегося утром разговора со столь удачным исходом Мельберг вынужден был признать, что уже не испытывал прежнего волнения в груди при виде привлекательной женщины. К своему большому удивлению, он мысленно все время возвращался к теплому голосу Роз-Мари и радости, с которой та откликнулась на его приглашение поужинать вместе.

– Ладно, что же мы встали посреди коридора, – произнес он, нехотя отвлекаясь от мыслей о приятном телефонном разговоре. – Давай-ка зайдём ко мне в кабинет и немного побеседуем.

Ханна проследовала за ним и села на стул напротив кресла Мельберга.

– Значит, ты уже успела окунуться в работу?

– Да, комиссар Хедстрём, как я уже говорила, взял меня с собой на место ДТП. Там разбилась одна машина. К сожалению, со смертельным исходом.

– Да, такое иногда случается.

– По нашей предварительной оценке, там еще замешан алкоголь. От водителя буквально несло водкой.

– Вот черт. Патрик не говорил тебе, погиб кто-то из тех, с кем нам уже доводилось общаться по этому поводу?

– Кажется, нет. Правда, жертву он узнал. Какая-то женщина, владевшая магазином на Афферсвеген. По-моему, он назвал ее Марит.

– Вот как... – произнес Мельберг, задумчиво запустив руку в волосы, аккуратно зачесанные на лысину. – Марит? Вот бы никогда не подумал. – Он кашлянул. – Но тебя в первый рабочий день, надеюсь, хотя бы избавили от встречи с ее родственниками?

– Да. – Ханна опустила взгляд на туфли. – Туда отправились Патрик и еще один рыжеволосый парень помоложе.

– Это Мартин Мулин, – уточнил Бертиль. – Патрик тебя с ним не познакомил?

– Нет, вероятно, забыл. Подозреваю, что его мысли были заняты предстоящим делом.

– Хм, – отозвался Мельберг.

Повисла долгая пауза. Потом он кашлянул.

– Ну хорошо. Добро пожаловать в отделение полиции Танумсхеде. Надеюсь, тебе у нас понравится. Кстати, как ты устроилась с жильем?

– Мы, то есть я и мой муж Ларс, снимаем дом в квартале напротив церкви. Мы переехали неделю назад и по мере сил стараемся обустроиться. Уже взяли напрокат мебель, но нам хочется, чтобы у нас было по-настоящему уютно.

– И муж? А он чем занимается? Тоже нашел здесь работу?

– Пока нет, – ответила Ханна, опустив взгляд. Ее лежавшие на коленях руки нервно задвигались.

Мельберг усмехнулся про себя. Значит, вот за каким типом она замужем – за безработным дерьмом, допускающим, чтобы его содержала баба. Ну-ну, некоторые умеют устраиваться.

– Ларс – психолог, – пояснила Ханна, словно услышав мысли Мельберга. – Он ищет работу, но тут в окрестностях его профессия не слишком востребована. Пока ничего не подвернулось, он пишет книгу. По специальности. А еще будет работать по несколько часов в неделю в качестве психолога для участников шоу «Покажи мне Танум».

– Вот как, – повторил Мельберг, и его тон ясно показывал, что он уже утратил интерес к роду деятельности ее мужа. – Ну, еще раз хочу сказать: добро пожаловать! – Он встал, подчеркивая, что формальные любезности соблюдены и она может удалиться.

– Спасибо, – сказала Ханна.

– Закрой за собой дверь, – попросил Мельберг.

На мгновение ему показалось, что на ее губах мелькнула усмешка, однако он, вероятно, ошибся. Похоже, она испытывает уважение к нему и его работе. Она ведь, в общем-то, так и сказала, а он, с его умением разбираться в людях, легко определял, откровенны они или нет. Ханна явно говорила откровенно.

– Ну как все прошло? – шепотом спросила Анника, зайдя через несколько секунд в кабинет Ханны.

– Нормально, – ответила та именно с такой усмешкой, какая привиделась Мельбергу. – Настоящий... характер, – добавила она и покачала головой.

– Характер. Пожалуй, можно это назвать и так, – со смехом сказала Анника. – Похоже, у тебя получается с ним управляться. Советую не обращать внимания на его дурацкие указания. Если он решит, что может тобой помыкать, ты пропала.

– Мне уже доводилось встречать таких Мельбергов, так что я знаю, как с ним надо общаться, – ответила Ханна, и Анника сразу поверила, что так оно и есть. – Немного лести, притвориться, будто в точности выполняешь его указания, и действовать, как находишь нуж-

ным сама. Если результат окажется удачным, он потом сделает вид, что идея изначально принадлежала ему. Я права?

– Ты в точности описала то, как народу удается работать под руководством Бертиля Мельберга, – подтвердила Анника и со смехом вернулась обратно к своему столу.

За эту девушку волноваться не стоит. Ловкая и уверенная, она себя в обиду не даст. Приятно будет посмотреть, как она возьмется за начальника.

* * *

Дан удрученно прибирался в комнатах дочерей – они, как обычно, оставили вещи в таком виде, будто тут взорвалась небольшая бомба. Он знал, что ему следовало заставлять девочек убирать за собой как следует, но слишком ценил время, которое проводил вместе с ними. Они жили у него каждые вторые выходные, и ему хотелось получше использовать эти дни, а не тратить их на нытье и ссоры. Дан понимал, что поступает неправильно, что должен не уклоняться от ответственности за воспитание дочерей и не перекладывать все на Перниллу, но выходные пролетали так быстро, да и годы, казалось, тоже проносились с пугающей скоростью. Белинде уже успело исполниться шестнадцать, и она почти взрослая, а десятилетняя Малин и семилетняя Лисен подрастали так быстро, что ему временами казалось, будто он за ними не поспевает. После развода прошло три года, а вина по-прежнему тяжелым камнем лежала у него на душе. Не соверши он той роковой ошибки, ему, возможно, не пришлось бы сейчас подбирать одежду и игрушки девочек в отзывающемся пустотой жилище. Ошибкой, вероятно, было и оставаться жить в Фалькелидене. Пернилла переехала в Мункедаль, поближе к своей семье. Но ему не хотелось, чтобы дочери лишились еще и дома, поэтому он работал, экономил деньги и боролся за то, чтобы каждые вторые выходные, приезжая к нему, девочки чувствовали себя у родного очага. Правда, долго ему так не протянуть. Расходы на дом уже становились непосильны, и максимум через полгода придется принимать решение. Он тяжело опустился на кровать Малин и подпер голову руками.

От размышлений его оторвал звонок телефона. Дан потянулся за трубкой, лежавшей на этой же кровати.

– Алло. О, привет, Эрика! Да, тяжело. Вчера вечером уехали девочки. Да, знаю, через неделю они приедут снова. Просто кажется, что до этого времени еще очень далеко. Ну а что у тебя приключилось?

Он напряженно слушал. Морщина, выдающая его озабоченность и появившаяся у него на лбу еще до звонка, углубилась.

– Все так плохо? Если я могу чем-то помочь, только скажи.

Он еще немного послушал Эрику, потом медленно произнес:

– Да, конечно, могу. Точно. А ты думаешь, это поможет? О'кей, тогда я сейчас приеду.

Дан положил трубку и еще некоторое время посидел в глубокой задумчивости. Он не знал, может ли оказаться полезен, но, когда о помощи просила Эрика, всегда откликался без колебаний. Когда-то давно они были вместе, но уже много лет как являлись просто близкими друзьями. Она помогала ему во время развода с Перниллой, и ради нее он был готов на все. Патрик тоже стал ему хорошим другом, и Дан часто бывал у них дома.

Он надел верхнюю одежду и вывел из гаража машину. Дорога до дома Эрики заняла всего несколько минут.

Она открыла, как только он постучал.

– Привет, заходи, – сказала Эрика, обнимая его.

– Привет, а где Майя? – Он стал быстро оглядываться в поисках своей любимицы. Ему очень хотелось думать, что Майя тоже питает к нему особые чувства.

– Она спит. Извини. – Эрика засмеялась. Она знала, что очаровательный троллёнок далеко ее обскакал.

– Ладно, придется постараться обойтись без того, чтобы понюхать ее затылочек.

– Не переживай, она, вероятно, скоро проснется. Ну, заходи в дом. Анна лежит у себя в спальне. – Эрика показала на верхний этаж.

– Ты думаешь, это хорошая идея? – обеспокоенно спросил Дан. – Может, ей не захочется. Может, она даже разозлится.

– Только не говори, что у такого большого и сильного мужчины, как ты, дрожат коленки при мысли о гневе женщины, – пошутила Эрика, поднимая взгляд на Дана, без сомнения, являвшего собой весьма приятное зрелище. – Однако я не желаю только из-за того, что сейчас сказала, снова слушать о Марии, которая считает, будто ты похож на Дольфа Лундгрена. Учтывая, что она думала, будто Э-Типа⁶ действительно зовут Э-Типом, я бы на твоём месте ее по доброй воле не цитировала.

– Но я довольно-таки похож на него, разве нет? – Дан принял театральную позу, но сразу рассмеялся. – Однако, пожалуй, ты права. Да и с «пупсиками» покончено раз и навсегда. Просто требовалось время, чтобы победить эту привычку...

– Да, мы с Патриком мечтаем увидеть возле тебя подругу, с которой будет о чем разговаривать.

– Ты хочешь сказать, учитывая высокий интеллектуальный уровень этого дома... Как, кстати, обстоят дела с «Отелем «Парадиз»?⁷ Твои любимцы еще на месте? Кто дойдет до финала? Как преданный зритель, ты могла бы сообщить мне последние новости об этой высококультурной программе, интригующей твой жаждущий знаний мозг. А Патрик мог бы немного рассказать о ситуации в первенстве Швеции по футболу. Там ведь прямо высшая математика.

– Ха-ха-ха... Согласна. – Эрика хлопнула его по руке. – А теперь пойдй наверх и сделай доброе дело. Может, мне наконец удастся найти тебе хоть какое-то применение.

Дан начал подниматься по лестнице, продолжая беседу через плечо.

– Ты уверена, что Патрик понимает, что он делает? Думаю, мне надо поговорить с ним на тему о том, насколько целесообразно вести тебя к алтарю.

– Очень остроумно... Вали наверх!

Преодолевая последние ступеньки, Дан резко прекратил смеяться. Он почти не виделся с Анной с тех пор, как она вместе с детьми поселилась у Эрики с Патриком. Как и все остальные жители Швеции, Дан следил за ее трагедией по газетам, но каждый раз, когда он навещал Эрику, Анна уклонялась от встречи с ним. По словам сестры, она большую часть времени проводила, запершись в спальне.

Дан осторожно постучал в дверь. Ответа не последовало, и он снова постучал.

– Анна? Это Дан, можно мне войти?

Ему вновь не ответили. Он стоял перед дверью в нерешительности. От этой ситуации ему было несколько не по себе, но он обещал Эрике попытаться помочь и теперь должен сделать все, что в его силах. Дан вдохнул поглубже и открыл дверь. Анна лежала на кровати, но было ясно, что она не спит – ничего не видящие глаза устремлены в потолок, руки крепко сцеплены на животе. Когда он зашел, Анна даже не взглянула в его сторону. Дан присел на край кровати. По-прежнему никакой реакции.

– Как дела? Как ты себя чувствуешь?

– А как тебе кажется по моему виду? – спросила в ответ Анна, не отрывая глаз от потолка.

– Неважно. Эрика за тебя волнуется.

⁶ Имеется в виду популярный шведский артист Бу Мартин Эрик Эрикссон, выступающий под псевдонимом Э-Тип.

⁷ Реалити-шоу, демонстрирующееся по шведскому ТВ.

– Эрика всю жизнь за меня волнуется.

– Да, тут ты права. – Дан улыбнулся. – В ней есть что-то от наседки, правда?

– Это точно, – ответила Анна, переводя на него взгляд.

– Но она хочет тебе добра. И сейчас волнуется чуть больше обычного.

– Да, понимаю. – Анна вздохнула. Продолжительный глубокий вздох, казалось, выпустил из ее тела далеко не только воздух. – Я лишь не знаю, как мне из этого выбраться. Вся энергия словно исчезла. Я ничего не чувствую. Совсем ничего. Ни горя, ни радости. Просто ничего не чувствую.

– Ты с кем-нибудь разговаривала?

– Ты имеешь в виду психолога или что-то подобное? Эрика с этим ко мне тоже пристаёт. Но я не могу себя заставить. Сидеть и разговаривать с совершенно посторонним человеком. О Лукасе. О себе. Мне с этим просто не справиться.

– А что, если... – Дан засомневался и даже заерзал на месте. – А что, если тебе немного поговорить со мной? Конечно, нельзя сказать, что мы друг друга прекрасно знаем, но я ведь и не совсем посторонний.

Он умолк, напряженно ожидая ответа. Ему очень хотелось, чтобы она согласилась. Вид ее исхудавшего тела и загнанного выражения глаз вдруг пробудил в нем инстинкт защитника. Она так похожа на Эрику, хотя и не совсем – более боязливая и хрупкая.

– Даже... не знаю, – с сомнением сказала Анна. – Я не знаю, что говорить... с чего начать.

– Для начала мы можем пойти прогуляться. Если захочешь, будем разговаривать по пути. Не захочешь – просто пройдемся. Как тебе такая идея? – В его голосе слышалась заинтересованность.

Анна осторожно приподнялась и села. Немного посидев спиной к нему, она встала.

– Ладно, пройдемся. Но только пройдемся.

– О'кей, – кивнул в ответ Дан.

Он спустился вниз раньше Анны и бросил взгляд на кухню, где гремела посудой Эрика.

– Мы пойдем погуляем, – прокричал он и уголком глаза отметил, как Эрика напряглась, делая вид, что в этом нет ничего особенного.

– На улице немного прохладно, так что лучше надень куртку, – сказал он Анне, которая послушалась его совета, набросила бежевое полупальто с капюшоном и обмотала вокруг шеи большой платок цвета слоновой кости.

– Готова? – спросил он, сам чувствуя, что вопрос получился с подтекстом.

– Думаю, да, – тихо ответила Анна и вышла за ним на весеннее солнце.

* * *

– Послушай, неужели к этому можно привыкнуть? – спросил Мартин уже в машине, на пути во Фьельбаку.

– Нет, – коротко ответил Патрик. – Во всяком случае, я на это надеюсь. Иначе придется сменить работу.

Поворот в местечке Лонгшё он преодолел на слишком высокой скорости, и Мартин, как всегда, судорожно ухватился за поручень над окном. Он взял себе на заметку: надо будет предупредить новенькую, чтобы не садилась в машину к Патрику. Впрочем, уже слишком поздно. Она ведь утром выезжала с Патриком к месту ДТП и, вероятно, успела получить первую порцию ощущений близкой смерти.

– Как она тебе? – спросил Мартин.

– Кто? – Патрик казался немного более рассеянным, чем обычно.

– Новенькая. Ханна Круссе.

– Ну, вроде ничего...

– Но?

– В каком смысле? – Патрик повернулся к коллеге, что заставило того еще крепче ухватиться за поручень.

– Смотри на дорогу, черт возьми! Мне показалось, тебе хочется что-то добавить.

– Даже не знаю, – медленно произнес Патрик. К радости Мартина, на этот раз он не оторвал взгляда от дороги. – Я просто не привык к таким чертовски... амбициозным людям.

– И что, черт побери, ты хочешь этим сказать? – засмеялся Мартин, правда не сумев скрыть, что немного задет.

– А-а, не обижайся, я не имел в виду, что тебе недостает амбиций, но Ханна... даже не знаю, как описать... в ней амбиции хлещут через край!

– Через край, – скептически сказал Мартин. – Ты сомневаешься в ней, потому что она слишком амбициозна... Не можешь ли ты выразиться поточнее? И что, собственно, плохого в целеустремленных девушках? Надеюсь, ты не из тех, кто считает, что для нашей работы женщины не годятся?

– Ты что, плохо меня знаешь? – Патрик снова оторвался от дороги и устремил на Мартина в высшей степени недоверчивый взгляд. – Ты думаешь, что я какая-нибудь скотина антифеминистского толка? И это при том, что моя жена зарабатывает вдвое больше меня... Я только хотел сказать, что... э, наплюй, сам потом поймешь.

Мартин немного помолчал, а затем спросил:

– Ты серьезно? Неужели Эрика зарабатывает вдвое больше тебя?

Патрик захохотал.

– Я знал, чем тебя заткнуть. Хотя, по правде говоря, это только до вычета налога. Потом большая часть уходит государству. И слава богу. Богатеям живется чертовски скучно.

Мартин тоже засмеялся.

– Да, ужасная судьба. Никому такой не пожелаешь.

– А я что говорю? – Патрик улыбнулся, но вскоре к нему вернулась серьезность.

Они свернули в район Кулленомродет, где вплотную друг к другу расположились многоэтажные дома, и заехали на стоянку. Потом еще немного посидели в машине.

– Ну, пора. Опять.

– Да, – отозвался Мартин и умолк.

Ком в желудке разрастался с каждой минутой. Но отступить некуда, так что уж лучше покончить с этим поскорее.

* * *

– Ларс? – Ханна опустила сумку на пол возле двери, повесила куртку и поставила туфли на полочку для обуви. Никто не отозвался.

– Ларс? Ау! Ты дома? – Она почувствовала, как в голос закрадывается беспокойство. – Ларс?

Она обошла дом – всюду тишина. От ее движений стали подниматься мелкие пылинки, которые отчетливо виднелись в проникавших через окно лучах весеннего света. Владелец не стал излишне утруждать себя уборкой жилья, перед тем как сдать его, но сейчас у Ханны не было сил на уборку. Беспокойство отодвинуло все на задний план.

– Ларс? – уже в полный голос закричала она, но слышала только отдававшееся от стен эхо.

Ханна продолжила обход дома. На первом этаже никого не было, поэтому она побежала наверх. Дверь в спальню оказалась закрыта. Ханна осторожно приоткрыла ее.

– Ларс? – мягко позвала она.

Он лежал на кровати на боку, спиной к ней, поверх покрывала и полностью одетый. По ровному дыханию Ханна поняла, что он спит. Она осторожно заползла на кровать и улеглась

рядом с ним. Они устроились вплотную друг к другу, как аккуратно уложенные ложки. Ханна прислушивалась к дыханию Ларса, чувствуя, что размеренный ритм постепенно убаюкивает и ее, погружает в сон, уносящий беспокойство.

* * *

– Эка чертова дыра, – сказал Уффе, бросаясь на одну из поставленных в большом зале застеленных кроватей.

– А я думаю, тут будет очень весело, – отозвалась Барби и немного подпрыгнула, сидя на своей кровати.

– Разве я говорил, что весело не будет? – возмутился Уффе и захохотал. – Я сказал только, что нас занесло в чертову дыру. Но мы ее расшевелим. Гляньте-ка на эти запасы. – Он сел и указал на заполненный до отказа бар. – Что скажете? Начнем гулять?

– Да-а! – Все, кроме Йонны, возликовали. На жужжащие вокруг камеры никто не смотрел – они были слишком опытны, чтобы совершать характерные для новичков ошибки.

– Тогда, блин, вперед! – провозгласил Уффе, приставляя ко рту горлышко первой бутылки пива.

– Вперед! – поднимая свои бутылки, вторили остальные.

Опять же все, кроме Йонны – она осталась сидеть на кровати и только посматривала на дружную пятерку, но не шевелилась.

– А с тобой, блин, что происходит? – недовольно крикнул ей Уффе. – Ты чего, не выпьешь с нами пива? Тебя что, не устраивает наша компания?

Все в ожидании обратили взгляды к Йонне. Они сразу сообразили, что конфликты работают на успех шоу, а всем очень хотелось, чтобы «Покажи мне Танум» имело успех.

– Просто сейчас не хочется, – сказала Йонна, стараясь не встретиться с Уффе взглядом.

– Не хочется... – фальцетом передразнил ее тот. Он огляделся, чтобы убедиться в том, что остальные его поддерживают, и, увидев в их глазах ожидание, продолжил: – Какого черта, ты чего, записалась в трезвенники? Я думал, мы сюда приперлись ради тус-совок! – Он поднял бутылку и сделал еще пару глотков.

– Она не трезвенница, – отважилась вставить Барби, но грозный взгляд Уффе заставил ее снова умолкнуть.

– Оставьте меня в покое, – сказала Йонна и раздраженно спустила ноги с кровати. – Я пойду немного погуляю, – сообщила она, натягивая большую бесформенную военную куртку, которую повесила на стоявший рядом стул.

– Ну и вали! – прокричал ей вслед Уффе. – Зануда проклятая! – Он с громким хохотом открыл еще одну бутылку пива, потом снова огляделся. – Какого черта вы тут расселись, у нас же праздник! Вперед!

После нескольких секунд натянутого молчания начал распространяться нервный смех. Остальные тоже подняли бутылки и пустились в загул. Непрерывное жужжание камер их только подогревало. Приятно, когда ты у всех на виду.

* * *

– Папа, звонят в дверь! – прокричала вглубь квартиры Софи, продолжая говорить по телефону. Потом вздохнула. – Отец так чертовски медлителен. Блин, у меня больше нет сил здесь торчать. Я считаю дни до того, как смогу вернуться обратно к маме с Керстин. Ну, как всегда – сиди тут, когда сегодня начинается «Покажи мне Танум». Все остальные пойдут смотреть, а я все пропущу. Типичная непруха! – жаловалась она. – Папа, открой же наконец, звонят в дверь! – снова крикнула она. – Пойми, я слишком взрослая, чтобы мотаться туда-сюда, как

малолетка после развода родителей. Но они по-прежнему не могут помириться, и ни один не желает меня слушать. Прямо как дети!

Звонок громко разносился по всей квартире, и Софи резко вскочила.

– Тогда я открою сама! – крикнула она и несколько тише добавила в трубку: – Послушай, я тебе перезвоню. Старик, наверное, опять сидит в наушниках и слушает свою мерзкую попсу. Целую, зайка.

Софи вздохнула и пошла открывать.

– Да, уже иду! – Она с раздражением распахнула дверь, однако немного смутилась, увидев двух незнакомых мужчин в полицейской форме. – Здравствуйте.

– Тебя зовут Софи?

– Да. – Девушка лихорадочно перебирала в памяти, что могла натворить такое, из-за чего к ней явилась полиция.

Ничего на ум не приходило. Конечно, на последней школьной дискотеке она выпила пару бутылок крепкого пива, а еще несколько раз каталась с Улле на его подрегулированном мопеде, но трудно было представить, что полиция станет утруждаться из-за подобных проступков.

– Твой папа дома? – спросил полицейский постарше.

– Да-а, – медленно ответила Софи, еще больше озадачиваясь. Что, черт возьми, мог натворить папаша?

– Мы хотели бы поговорить с вами обоими, – вступил в разговор рыжеволосый полицейский помладше.

Софи не могла не отметить, что он недурен собой. Впрочем, и второй тоже, но этот слишком стар. Классный старик. Наверняка лет тридцать пять минимум.

– Заходите. – Она шагнула в сторону, пропуская их в прихожую.

Пока они снимали обувь, Софи пошла в гостиную. Отец действительно сидел, нацепив на уши огромные наушники. Наверняка у него там играет что-нибудь кошмарное, типа «Визекса», или «Викингов», или «Торлейфс». Она замахала руками, пытаясь привлечь его внимание. Отец лишь чуть приподнял наушники и вопросительно посмотрел на нее.

– Папа, с нами хотят поболтать несколько полицаев.

– Полицейские? Что? Кто?

Софи увидела, что и его мозг лихорадочно заработал, соображая, что такое она могла натворить, предоставив полицейским повод их навестить. Она предупредила его вопрос:

– Я ничего такого не сделала. Честно. Даю слово.

Отец посмотрел на нее с сомнением, но снял наушники, встал и пошел разбираться, что происходит. Софи последовала за ним.

– В чем дело? – спросил Ула Касперсен, явно несколько напуганный возможностью получить нежелательный ответ. Интонация обнаруживала его норвежское происхождение, но очень незначительно, и Патрику подумалось, что Ула покинул родину много лет назад.

– Мы можем где-нибудь присесть? Кстати, меня зовут Патрик Хедстрём, а это мой коллега Мартин Мулин.

– Вот как, – произнес Ула и поздоровался с обоими. В его голосе по-прежнему звучал вопрос. – Да, мы можем сесть вон там. – Он пригласил Мартина с Патриком на кухню, как поступили бы девять человек из десяти: кухня почему-то считалась самым подходящим местом в доме для общения с полицией.

– Ну, чем мы можем быть вам полезны? – Ула сел рядом с дочерью, а полицейские разместились напротив.

Хозяин тут же принялся поправлять бахрому на скатерти. Софи бросила на него сердитый взгляд: даже сейчас он не может прекратить все прибирать и раскладывать по местам!

– У нас...

Полицейский, представившийся Патриком Хедстрёмом, явно колебался, и у Софи возникло странное ощущение в желудке. Ей захотелось закрыть уши и затянуть какую-нибудь мелодию, как она поступала в детстве, когда родители ругались между собой, а она понимала, что бессильна им помешать. Однако она уже не маленькая.

– У нас, к сожалению, печальные новости. Марит Касперсен вчера вечером погибла в автомобильной аварии. Мы приносим вам свои соболезнования. – Патрик Хедстрём снова кашлянул, но глаз не отводил.

Неприятное ощущение в желудке усилилось и мешало Софи вникнуть в только что услышанное. Это не может быть правдой! Вероятно, произошла какая-то ошибка. Мама не могла умереть. Не могла, и все. Они ведь собирались в следующие выходные в Уддеваллу за покупками. Они же решили. Только вдвоем. Совместное дело матери и дочери, о чем так долго просила мать, а Софи делала вид, что не хочет, хотя на самом деле ждала его с радостью. А что, если мать не знала об этом – о том, что поездка ей в радость? В голове жужжало, а рядом слышалось прерывистое дыхание отца.

– Должно быть, это ошибка. – Слова Улы прозвучали будто эхо мыслей Софи. – Вероятно, произошло недоразумение. Марит не могла умереть! – Он задышался, словно после быстрого бега.

– К сожалению, нет никаких сомнений. – Патрик умолк, но затем продолжил: – Я... я сам ее опознал. Я знал ее по магазину.

– Но, но... – Ула подыскивал слова, однако они, казалось, от него ускользали.

Софи смотрела на него с изумлением. Сколько она себя помнила, родители всегда ссорились. Она даже не представляла себе, что у отца остались еще какие-то чувства.

– Что... что произошло? – запинаясь, выговорил Ула.

– Она разбилась на машине, чуть севернее Саннэса.

– Разбилась? Сама? Как это? – спросила Софи, судорожно вцепившись руками в край стола. Казалось, сейчас только это и удерживало ее в реальности. – Она что, уворачивалась от косули? Да мама вообще выезжала на машине раза два в год. Зачем ей понадобилось куда-то ехать вчера вечером?

Она смотрела на полицейских через стол, чувствуя, как у нее колотится сердце. Их опущенные взгляды со всей очевидностью показывали – они что-то недоговаривают. Что же это может быть? Она молча ждала ответа.

– Мы думаем, что тут не обошлось без алкоголя. Похоже, она села за руль нетрезвой. Но мы точно не знаем, это покажет расследование. – Патрик Хедстрём смотрел девушке прямо в глаза.

Софи не верила своим ушам. Она перевела взгляд на отца, потом обратно на Патрика.

– Вы что, шутите? Это наверняка ошибка. Мама не брала в рот ни капли. Ни капли. Я никогда не видела, чтобы она выпила бокал вина. Она была противницей алкоголя. Скажи им! – Софи почувствовала, как у нее просыпается отчаянная надежда.

Это не может быть мама! Софи с надеждой посмотрела на отца. Тот откашлялся.

– Это верно. Марит никогда не пила. Ни в то время, пока мы были женаты, ни, насколько я знаю, потом.

Софи попыталась встретиться с ним взглядом, желая удостовериться в том, что отец ощущает ту же надежду, что и она, но он старался не смотреть на дочь. Он сказал то, что она и предполагала, и это подтверждало в ее глазах факт ошибки, но все-таки что-то казалось... неправильным... Потом Софи отбросила это ощущение и обратилась к Патрику с Мартином.

– Вы же слышали, вы явно в чем-то ошиблись. Это не может быть мама! Вы справлялись у Керстин... может, она дома?

Полицейские обменялись взглядами. Слово взял рыжеволосый.

– Мы побывали у Керстин. Они с Марит вчера вечером явно поссорились. Твоя мама выбежала на улицу, прихватив ключи от машины. И больше не появлялась. И... – Мартин посмотрел на коллегу.

– Я совершенно уверен в том, что это Марит, – вставил Патрик. – Я много раз видел ее, в том числе в магазине, и сразу узнал. А вот действительно ли она что-то выпила, мы не знаем. У нас сложилось такое впечатление лишь потому, что на водительском месте пахло спиртным. Однако точно пока не известно. Поэтому вполне возможно, что вы совершенно правы и существует какое-то иное объяснение. Но в том, что это твоя мама, никаких сомнений нет. Мне искренне жаль.

Неприятное ощущение в желудке вернулось. Оно все росло и росло, пока к горлу не подступила желчь. Тут появились и слезы. Софи почувствовала на плече руку отца, но резко стряхнула ее. Между ними стояли годы ссор – ругань и до, и после развода родителей, оскорбления, клевета, ненависть. От горя все это собралось в один жесткий комок. У нее больше не было сил слушать, и она выскочила за дверь, спиной чувствуя обращенные на нее три пары глаз.

* * *

За окном кухни послышались два веселых голоса. Входная дверь приглушала периодические смешки, пока ее не открыли и смех не распространился по дому. Эрика не верила своим глазам. Анна улыбалась, не натянуто и вымученно, как это бывало, когда она пыталась успокоить детей, а по-настоящему, во весь рот. Они с Даном оживленно болтали и к тому же покраснели от небольшой прогулки в прекрасную весеннюю погоду.

– Привет, хорошо прошлись? – осторожно спросила Эрика, включая кофеварку.

– Да, замечательно, – ответила Анна, улыбаясь Дану. – Как приятно немного размяться. Мы прогулялись до Брекке и обратно. Погода просто исключительная, и на деревьях уже начинают появляться почки, и... – Ей пришлось перевести дух, поскольку от быстрой ходьбы она запыхалась.

– И мы провели время просто чудесно, – добавил Дан, снимая куртку. – Ну, нам дадут кофе или ты поберегаешь его для каких-то других гостей?

– Не дури, я подумала, мы выпьем по чашечке все вместе, втроем. Если ты... в силах, – сказала Эрика и взглянула на Анну.

Разговаривая с сестрой, она по-прежнему чувствовала, что ступает по очень тонкому льду, и страшно боялась повредить облако радости, которое окутывало Анну.

– Да, такой бодрой я не чувствовала себя давно, – ответила сестра, усаживаясь за кухонный стол. Она взяла протянутую Эрикой чашку, долила себе немного молока и стала греть о чашку руки. – Все прямо как доктор прописал, – произнесла она с сияющим, раздурманенным лицом.

При виде ее улыбки у Эрики защемило сердце. Как же давно она не видела сестру такой! Как давно глаза Анны не выражали ничего, кроме горя и отчаяния! Эрика посмотрела на Дану с благодарностью. Она вовсе не была уверена в том, что поступает правильно, когда просила его приехать, однако смутное ощущение подсказывало ей, что если кто и сможет найти к Анне подход, так это он. Эрика в течение нескольких месяцев пыталась помочь сестре справиться с проблемами, но под конец поняла, что добиться успеха не в силах.

– Дан спросил меня, как идет подготовка к свадьбе, и мне пришлось признаться, что я не в курсе. Ты наверняка рассказывала, но я, к сожалению, толком не вникла. Так на какой вы стадии? Все уже спланировано и заказано? – Анна отпила глоток кофе и с любопытством посмотрела на Эрику.

Она вдруг снова стала молодой и жизнерадостной – как до встречи с Лукасом. Эрика сразу попыталась отключиться от данной темы: не хотелось портить этот миг мыслями о таком мерзавце.

– Ну, с тем, что требуется заказать, мы, пожалуй, разобрались. С церковью все обговорено, мы внесли задаток в гранд-отель и... кажется, пока это все.

– Но Эрика, дорогая, до свадьбы ведь осталось всего шесть недель! А какое у тебя будет платье? Что наденут дети? Ты придумала себе букет? Вы обговорили с отелем меню? Заказали для гостей номера? А план рассадки за столом готов?

Эрика со смехом замахала рукой. Майя радостно поглядывала на них из детского стульчика, не понимая, откуда взялось столь внезапное веселье.

– Успокойся, успокойся... Если ты будешь продолжать в том же духе, я скоро начну жалеть о том, что Дану удалось выдернуть тебя из постели. – Она улыбнулась и подмигнула, показывая, что шутит.

– Ладно, ладно, – отозвалась Анна. – Я не скажу больше ни слова! Да, только еще одно – вы позаботились о развлекательной программе?

– К сожалению, ответом на все твои вопросы будет: нет, нет и еще раз нет, – вздохнула Эрика. – Я просто еще... не успела.

Анна сразу посерьезнела.

– Ты не успела, потому что на тебе оказались трое детей. Прости, Эрика, тебе ведь в последние месяцы тоже досталось. Я бы хотела... – Она запнулась, и Эрика увидела, что на глаза сестры наворачиваются слезы.

– Ш-ш-ш, все в порядке. Адриан с Эммой вели себя как ангелы, да и днем они в садике, так что никаких особых хлопот мне не доставляли. Но им очень не хватало мамы...

Анна печально улыбнулась. Дан заигрывал с Майсей, пытаясь не прислушиваться к их разговору – это касалось только самих сестер.

– Господи, садик! – Эрика вскочила со стула и посмотрела на большие кухонные часы. – Я страшно засиделась, их надо срочно забирать, Эва безумно разозлится, если я не потороплюсь.

– Сегодня их заберу я, – заявила Анна, вставая. – Дай мне ключи от машины, и я съезжу.

– Ты уверена?

– Да, уверена. Ты забирала их каждый день, а сегодня поеду я.

– Они страшно обрадуются, – сказала Эрика, снова усаживаясь за стол.

– Это точно, – с улыбкой подтвердила Анна и взяла со стола ключи от машины.

В прихожей она обернулась.

– Дан... Спасибо. Мне это было необходимо. Так хорошо получить возможность выговориться.

– Ах, пустяки, – ответил Дан. – Если позволит погода, можем завтра опять прогуляться. Я освобождаюсь без четверти три, так что как ты смотришь на часовую прогулку завтра, перед тем как поедешь забирать детей?

– Отлично! А сейчас мне надо спешить. Иначе Эва страшно разозлится, или как ты там сказала... – Улыбнувшись им в последний раз, Анна скрылась за дверью.

– Что вы там, черт возьми, делали на этой прогулке? – Эрика обернулась к Дану. – Курили гашиш?

– Ничего подобного. – Дан засмеялся. – Анне просто требовалось с кем-нибудь поговорить, и из нее словно бы вылетела какая-то пробка. Когда она начала, ее было уже не остановить.

– Я в течение нескольких месяцев пыталась вызвать ее на разговор, – заметила Эрика, все-таки чувствуя себя немного задетой.

– Эрика, ты же знаешь вашу ситуацию, – стал успокаивать ее Дан. – Между вами накопилось много невыясненного старого дерьма, поэтому Анне, возможно, не так легко с тобой

общаться. Вы слишком близки, а это имеет свои плюсы и минусы. Но пока мы гуляли, она сказала, что безумно благодарна вам с Патриком за поддержку и особенно за потрясающую заботу о детях.

– Она так сказала? – переспросила Эрика, очень желая услышать подтверждение. Она привыкла заботиться об Анне и получала от этого удовольствие, но, как бы эгоистично это ни звучало, ей хотелось, чтобы Анна сознавала и ценила ее заботу.

– Да, – подтвердил Дан и накрыл рукой руку Эрики, испытал при этом привычное приятное чувство. – Но ситуация со свадьбой немного настораживает. Неужели вы успеете со всем управиться за шесть недель? Если тебе понадобится моя помощь, только скажи. – Он строил забавные гримасы Майе, которая заходила от смеха.

– И что ты сделаешь? – фыркнула Эрика, наливая им еще кофе. – Выберешь мне свадебное платье?

Дан опять засмеялся.

– Уж я бы точно выбрал красивое. Нет, но я могу, например, если надо, предоставить вашим гостям несколько спальных мест. С местом у меня хорошо. – Его лицо внезапно омрачилось, и Эрика прекрасно знала, о чем он подумал.

– Послушай, все устроится, – сказала она. – Станет лучше.

– Ты полагаешь? – мрачно произнес он и отпил кофе. – Один черт знает. Я так отчаянно без них скучаю, что мне кажется, я не выдержу.

– Тебе не хватает только детей или Перниллы и детей?

– Не знаю. И так и так, но с тем, что у Перниллы новая жизнь, я смирился. В то же время я просто умираю от того, что лишен возможности видеть девочек ежедневно. Быть с ними, когда они просыпаются, когда отправляются в школу, садятся ужинать и рассказывают о том, как прошел день. И все такое. Вместо этого я каждую вторую неделю сижу в проклятом пустом доме. Мне хотелось сохранить его, чтобы они не лишились еще и родного угла, но сейчас я даже не знаю, как надолго у меня хватит средств. По всей видимости, мне придется продать его в ближайшие полгода.

– Уж поверь, *been there, done that*⁸, – заметила Эрика, намекая на то, что Лукасу чуть было не удалось продать дом, в котором они сидят, – тот, в котором прошло их с Анной детство.

– Я просто не знаю, как жить дальше, – сказал Дан, запуская руки в короткие светлые волосы.

– Что это за весельчаки тут собрались? – прервал их голос Патрика от входной двери.

– Мы просто обсуждаем, что Дану делать с домом, – ответила Эрика, вставая, чтобы пойти поцеловать будущего мужа. Майя тоже заметила, что в доме появился главный мужчина ее жизни, и отчаянно замахала ручками, чтобы ее вынули из детского стульчика.

Дан посмотрел на нее и театрально развел руками.

– Это еще что такое? Я-то думал, у нас с тобой тут что-то наметилось! А ты расплываешься в улыбке при виде первого попавшегося мужчины, который переступает через порог! Вот она, современная молодежь. Совсем не разбирается в качестве.

– Привет, Дан, – поздоровался Патрик, со смехом похлопывая его по плечу, потом поднял на руки Майю. – Да, эта девушка всем предпочитает папу, – сказал он, поцеловал Майю и потерся щетиной о ее шейку. Девочка тут же заверещала от радости с примесью испуга. – Кстати, Эрика, тебе не пора забирать детей из садика?

Эрика выдержала театральную паузу, а потом с широкой улыбкой ответила:

– За ними поехала Анна.

– Что ты сказала? Неужели Анна отправилась за детьми? – Патрик смотрел на нее с изумлением, но был явно обрадован.

⁸ Плавали – знаем (*англ.*).

– Да, тут один герой вывел Анну на прогулку, потом они вместе покурили гашиш, и...

– Мы вовсе не курили, прекрати! – засмеялся Дан и обратился к Патрику: – Дело было так: Эрика позвонила и спросила, не могу ли я попробовать вытащить Анну из дома, чтобы ее немного расшевелить. И представляешь, Анна согласилась, и мы с ней совершенно замечательно прошлись. Кажется, прогулка пошла ей на пользу.

– Да, это уж точно, – подхватила Эрика, взъерошивая Дану волосы. – Как насчет того, чтобы еще немного погреться в лучах славы и остаться с нами поужинать?

– Это зависит от того, чем ты собираешься кормить.

– Господи, до чего ж ты избалован, – засмеялась Эрика. – Ну да ладно. У нас будет тушеный цыпленок с авокадо и к нему рис.

– О'кей, пойдет.

– Приятно слышать, что мы способны удовлетворить ваши возвышенные запросы, мистер гурман.

– Ну, это мы еще посмотрим, надо сперва попробовать.

– А, прекрати, – сказала Эрика и встала, чтобы взяться за приготовление еды.

У нее было тепло на душе. День получился хорошим. По-настоящему хорошим. Она обернулась, чтобы спросить Патрика, как прошел день у него.

* * *

Добро перевесило зло. Или нет? Иногда, по ночам, когда его мучили кошмары, он был не до конца уверен. Однако днем, на свету, он не сомневался, что добро взяло верх. Зло представлялось лишь тенями, притаившимися в укромных уголках и не смеявшими показывать свои отвратительные морды. Это его вполне устраивало.

Они оба любили ее. Со страшной силой. Однако, вероятно, он все-таки любил ее больше. Возможно, и она больше любила его. У них были совершенно особые отношения. Ничто не могло встать между ними. Отвратительное и грязное к ним не приставало.

Его сестра наблюдала за ними с завистью. Она понимала, что перед ней нечто уникальное – такое, с чем бессмысленно соперничать. И они включали ее в свою жизнь, окутывали любовью, позволяя почувствовать сопричастность. Для зависти не имелось причин. Мало кому дано испытать такую любовь.

Она настолько сильно любила их, что ограничивала их мир, и они с благодарностью принимали эти ограничения. Зачем им был нужен кто-то еще? К чему было сталкиваться со всем тем безобразным, что, как они знали, существовало за пределами их мира? Знали с ее слов. Да он бы там и не выжил. Она всегда это говорила. Он был неудачником. Постоянно ронял вещи, опрокидывал, разбивал. Выпусти она их во внешний мир – приключилось бы нечто ужасное. Неудачнику там не выдержать. Но она всегда говорила об этом так ласково. «Мой неудачник», – говорила она. «Мой неудачник».

Ее любви ему хватало. Хватало и его сестре. Во всяком случае, чаще всего.

* * *

Вся нынешняя программа – просто отстой. Йонна безразлично брала товары с ленты и считывала коды. По сравнению с этим «Большой Брат» казался прямо рок-фестивалем. А тут – ну полный отстой! Хотя чего, собственно, жаловаться? Она ведь видела предыдущие сезоны и знала, что в дыре, куда их засунут, им придется не только жить, но и работать. Но сидеть за кассой в идиотском супермаркете! На такое она никак не рассчитывала. Утешало лишь то, что сюда же попала и Барби. Она сидела за кассой позади Йонны, с трудом втиснув силиконовые груди в красный передник, и Йонне все утро приходилось слушать ее дурацкую

болтовню и попытки всех, от писклявых малолеток до отвратительных стариков с распутными голосами, завязать с Барби беседу. Неужели они не соображают, что с такими, как Барби, не разговаривают – им просто выставляют море спиртного, и путь открыт. Идиоты.

– О, как приятно будет увидеть вас по телевидению. И, разумеется, наш маленький городок. Я даже представить себе не могла, что мы тут, в Танумсхеде, станем известны на всю страну. – Нелепая маленькая тетка стояла перед кассой, жеманясь и периодически с радостной улыбкой поглядывая в сторону привинченной к потолку камеры. Она настолько тупа, что до нее не доходит: это и есть лучший способ не попасть ни в одну серию. Взгляды прямо в камеру – абсолютное табу.

– Триста пятьдесят крон и пятьдесят эре, – устало произнесла Йонна, глядя на тетку.

– Вот как, ну, конечно, вот моя карточка, – залепетала жаждущая телевизионной известности тетка, прокатывая карточку «Visa». – Ой, теперь главное вспомнить код, – прощепетала она.

Йонна вздохнула и задумалась: не отделаться ли ей от всего этого, начав прогуливать прямо сейчас? Ссоры с заведующими и тому подобное продюсеры обычно обожают, но сейчас, пожалуй, еще рановато. Придется потерпеть недельку-другую, а там, как правило, можно начинать артачиться.

Ее занимало, прильнут ли папа с мамой в понедельник к телевизору. Вероятно, нет. На такие тривиальные занятия, как сидение перед телевизором, у них обычно не хватает времени. Они оба врачи, поэтому их время ценится несколько выше. Время, которое они уделяли просмотру «Робинзона»⁹ или, скажем, общению с дочерью, могло быть использовано для проведения коронарного шунтирования или операции по пересадке почки. Не понимать этого могла только законченная эгоистка. Отец даже брал ее с собой в больницу, и она присутствовала при операции на сердце у десятилетнего пациента. Отец говорил, что пытался объяснить Йонне, почему их работа столь важна и почему они не могут проводить с ней столько времени, как им бы хотелось. Они с матерью обладали даром – способностью помогать другим людям, и чувствовали себя обязанными максимально использовать этот дар.

Какая гнусная чушь! Зачем заводить детей, если у тебя нет на них времени? Почему бы просто не наплевать на продолжение рода? Ведь тогда появится возможность проводить все двадцать четыре часа в сутки, засунув руки в чью-нибудь грудную клетку.

На следующий день после посещения больницы Йонна начала наносить себе резаные раны. Это было классно. В первый же раз, надрезав ножом кожу, она почувствовала, как страх постепенно ослабевает. Он словно бы вытекал из раны на руке, исчезал вместе с медленно сочащейся кровью, красной и теплой. Йонна обожала вид крови, обожала ощущение, когда нож, бритвенное лезвие, скрепка или что угодно другое, оказавшееся под рукой, вырезало страх, глубоко укоренившийся у нее в груди.

К тому же это был единственный раз, когда родители ее заметили. Кровь заставила их обратить к дочери взгляды и действительно увидеть ее на самом деле. Но трепет с каждым разом убывал. С каждой раной, с каждым шрамом они все меньше пугались и уже больше не смотрели на нее с беспокойством, как вначале, в их глазах читалось лишь отчаяние. Они махнули на нее рукой и решили лучше спасать тех, кого могли спасти, – людей с износившимися сердцами, раком кишечника и отказавшими внутренними органами, которые требовалось заменить. Она же ничего подобного предъявить не могла. У нее надломилась душа, а справиться с этим при помощи скальпеля родители были не в силах, поэтому прекратили любые попытки.

Теперь ей оставалось рассчитывать только на любовь камер и людей, которые из вечера в вечер усаживались перед телевизором и смотрели на нее. Смотрели, чтобы видеть.

⁹ Шведская мыльная опера, демонстрирующаяся по ТВ начиная с 1997 года.

Йонна услышала, как позади нее какой-то парень спрашивает Барби, не разрешит ли та ему пощупать силикон. Публика пришла бы в восторг. Йонна старательно засучила рукава, чтобы стали видны шрамы – единственное, что она могла противопоставить.

* * *

– Послушай, Мартин, можно мне на секундочку зайти? Надо бы кое-что обсудить.

– Конечно, давай! Я просто заканчиваю несколько отчетов. – Мартин призывно махнул Патрику рукой. – В чем дело? У тебя какой-то озадаченный вид.

– Ну, я толком не знаю, что и думать. Мы утром получили результаты вскрытия Марит Касперсен, и кое-что кажется мне странным.

– Что именно? – Мартин с любопытством наклонился вперед. Ему вспомнилось, что Патрик бормотал нечто подобное уже в день аварии, но потом он, честно говоря, выбросил это из головы, да и товарищ больше о том не упоминал.

– Понимаешь, Педерсен описал все, что обнаружил, а я потом еще говорил с ним по телефону, но мы никак не можем разобраться.

– Рассказывай! – Любопытство Мартина возрастало с каждой секундой.

– Во-первых, Марит умерла не при аварии. Она к тому времени уже была мертва.

– Что ты, черт побери, говоришь? А как же? От чего? Инфаркт или нечто подобное?

– Не совсем. – Патрик, почесывая голову, изучал отчет. – Она умерла от отравления алкоголем. У нее в крови обнаружили шесть и одну десятую промилле.

– Ты шутишь! Шесть и одна десятая ведь способны прикончить лошадь.

– Точно. Педерсен утверждает, что она, вероятно, влила в себя количество, соответствующее бутылке водки. За довольно короткое время.

– А родственники говорят, что она вообще не пила.

– Именно. У нее к тому же не обнаружилось никаких признаков злоупотребления алкоголем, а это, по всей видимости, означает, что в организме отсутствовали навыки восприятия спиртного. И Педерсен предполагает, что реакция последовала довольно быстро.

– Значит, она по какой-то причине здорово надралась. Конечно, трагично, но такое случается, – заметил Мартин, удивленный явным беспокойством Патрика.

– Да, все выглядит именно так. Но Педерсен обнаружил одну заковыку, которая несколько усложняет дело. – Патрик положил ногу на ногу и стал просматривать отчет в поисках нужного места. – Вот. Попробую перевести на нормальный язык. Педерсен вечно пишет чертовски непонятно. Значит, так: у нее имеется странная синева вокруг губ. А еще некоторые признаки ран во рту и в горле.

– И что ты хочешь этим сказать?

– Не знаю. – Патрик вздохнул. – Этого недостаточно, чтобы Педерсен мог сказать что-либо определенное. Он не может с полной уверенностью утверждать, что она не вылакала целую бутылку в машине, после чего умерла от алкоголя и съехала с дороги.

– Но она должна была оказаться в полубессознательном состоянии еще до того. К нам не поступало рапортов о том, что кто-либо в воскресенье вечером ехал странным образом?

– Я таковых не обнаружил. Но это только прибавляет ощущения, что тут что-то не так. С другой стороны, особого движения в тот момент не было, и, возможно, она патрульным просто не встретилась, – задумчиво произнес Патрик. – Однако Педерсен не может найти объяснения ранам во рту и вокруг него, поэтому я полагаю, что у нас есть основания разобраться поподробнее. Возможно, это обычный случай пьянства за рулем, а может, и нет. Как ты считаешь?

Мартин немного поразмыслил.

– У тебя ведь с самого начала имелись какие-то возражения. Думаешь, ты сумеешь убедить Мельберга?

Патрику было достаточно взглянуть на него, чтобы Мартин рассмеялся.

– Все зависит от того, как это подать.

– Ну разумеется, все зависит от того, как подать. – Патрик тоже засмеялся и встал. Затем он вновь обрел серьезность. – Ты считаешь, что я совершаю ошибку? Делаю из мухи слона? Ведь Педерсен не обнаружил никаких конкретных указаний на то, что это не просто несчастный случай. Но вместе с тем, – он замахал факсом с отчетом о вскрытии, – вместе с тем что-то тут настораживает, только я никак не могу... – Он взлохматил рукой волосы.

– Давай поступим так, – сказал Мартин. – Начнем расспрашивать народ, постараемся узнать побольше деталей и посмотрим, к чему это нас приведет. Возможно, ты и наткнешься на то, что не дает тебе покоя.

– Да, ты прав. Послушай, я сейчас уломаю Мельберга, а потом давай поедем и поговорим поподробнее с сожительницей Марит.

– Идет, – отозвался Мартин, вновь возвращаясь к написанию отчетов. – Заходи за мной, как освободишься.

– О'кей. – Патрик уже шагнул за дверь, когда Мартин остановил его.

– Послушай... – нерешительно сказал он. – Я давно хотел спросить, как у тебя там дома? Со свояченицей?

Патрик улыбнулся в дверях.

– У нас появилась надежда. Анна, похоже, стала выбираться из глубочайшей ямы. Во многом благодаря Дану.

– Дану? – переспросил Мартин. – Эрикину Дану?

– Извини, как это – Эрикину Дану? Он теперь, с твоего позволения, *наш* Дан.

– Да-да, – засмеялся Мартин. – *Вашему* Дану. Но какое он имеет к этому отношение?

– В понедельник Эрику осенила гениальная мысль позвонить ему и попросить приехать, чтобы поговорить с Анной. И сработало. Они встречаются, совершают долгие прогулки, и, похоже, Анне только того и требовалось. Буквально за пару дней она стала совершенно другим человеком. Дети счастливы.

– Как здорово! – с теплотой произнес Мартин.

– Да, чертовски здорово, – отозвался Патрик, но затем ударил рукой о косяк двери. – Ладно, пойду к Мельбергу, чтобы покончить с этим. Мы сможем поговорить позже.

– О'кей, – согласился Мартин и предпринял новую попытку вернуться к отчетам. Они составляли вторую часть работы – часть, от которой он бы с удовольствием уклонился.

* * *

Дни просто ползли. Казалось, что пятница, на которую назначен ужин-свидание, никогда не наступит. Или, вернее, само свидание. Мыслить такими терминами в его возрасте казалось странным. Но ужин будет в любом случае. Он позвонил Роз-Мари, не имея никакого конкретного плана, поэтому сам чрезвычайно удивился, услышав, что предлагает поужинать в ресторане «Постоялый двор». А его бумажнику предстояло удивиться еще больше. Мельберг просто не понимал, что с ним происходит. Уже сама мысль о том, чтобы отправиться поесть в столь дорогое место, была ему решительно непривычна, а в довершение всего еще и готовность заплатить за двоих – нет, на него это абсолютно не похоже. Однако его это на удивление мало волновало. По правде говоря, он с нетерпением ждал возможности угостить Роз-Мари шикарным ужином и, пока им будут приносить изысканные блюда, в свете свечей смотреть на ее лицо по другую сторону стола.

Мельберг растерянно замотал головой с такой силой, что прикрывавшая лысину прядь свалилась на ухо. Он действительно не понимал, что с ним творится. Может, он заболел? Он снова закинул волосы на лысину и пощупал лоб – но нет, лоб холодный, и никаких признаков

повышенной температуры. Но волнение не проходило – он просто-напросто чувствовал себя не в своей тарелке. Может, стоит немного поднять сахар?

Рука уже потянулась к лежавшему в нижнем ящике кокосовому печенью, когда Мельберг услышал стук в дверь и с раздражением произнес:

– Да?

В кабинет вошел Патрик.

– Извини, я не помешал?

– Нет, – ответил Мельберг и вздохнул про себя, бросив последний жадный взгляд на нижний ящик. – Проходи.

Он подождал, пока Патрик сядет. При виде очень юного (в его глазах) комиссара Мельберг, как всегда, испытал смешанные чувства. Того, что Патрику на самом деле было уже под сорок, он предпочитал не замечать. К плюсам сотрудника относилось то, что он очень разумно действовал во время расследования выпавших на их долю в последние годы убийств. Благодаря его блистательной работе о Мельберге довольно много писали в прессе. Однако у него имелись и минусы – Мельбергу вечно казалось, что Патрик поглядывает на него с чувством превосходства. Это никак особенно не проявлялось, тот вел себя почтительно, как и подобает подчиненному, но смутное ощущение не проходило. Впрочем, ладно, пока Хедстрём работает настолько хорошо, что Мельберг предстает в СМИ компетентным руководителем, он готов был закрывать на это глаза. Однако следовало не терять бдительности.

– Мы получили отчет о произошедшем в понедельник ДТП.

– И? – без всякого интереса спросил Мельберг. Автомобильные аварии относились к рутине.

– Ну... там, похоже, имеются кое-какие неясности.

– Неясности? – Тут уже у Мельберга проснулся интерес.

– Да, – ответил Патрик, глядя в бумаги, как и в кабинете Мартина. – У жертвы имеются отдельные повреждения, которые нельзя отнести на счет аварии. Кроме того, к моменту крушения Марит была уже мертва. Алкогольное отравление. Шесть и одна десятая промилле в крови.

– Шесть и одна десятая? Ты шутишь?

– К сожалению, нет.

– А что там за повреждения? – спросил Мельберг, наклоняясь вперед.

Патрик помедлил.

– У нее раны во рту и вокруг губ.

– Вокруг губ, – скептически произнес Мельберг.

– Да, – словно оправдываясь, ответил Патрик. – Это не много, я понимаю, однако, учитывая то, что все дружно заявляют, будто она вообще не пила, а у нее такое колоссальное содержание алкоголя в крови, мне это кажется подозрительным.

– Подозрительным? Ты хочешь, чтобы мы начали расследование только потому, что тебе мерещится нечто подозрительное?

Мельберг поднял бровь и посмотрел на Патрика. Ему это не нравилось, основание казалось слишком слабым. С другой стороны, если прежние странные идеи Патрика себя оправдывали, то, может, стоит ему не мешать. Под напряженным взглядом подчиненного он с минуту подумал и наконец сказал:

– Ладно. Потрать на это несколько часов. Если вы – ведь я полагаю, ты потащишь за собой Мулина – обнаружите какие-либо признаки того, что дело нечисто, валяйте, продолжайте. Но если ничего толкового с ходу не найдете, то я не желаю, чтобы вы попусту тратили время. О'кей?

– О'кей, – с явным облегчением согласился Патрик.

– Ладно, тогда отправляйся работать, – распорядился Мельберг, махнув правой рукой. Левая уже опускалась к нижнему ящику.

* * *

Софи осторожно вошла в квартиру.

– Ау! Керстин... ты дома?

В квартире стояла полная тишина. Софи уже успела проверить – на работе Керстин не было, она сказала больно́й. Ничего удивительного – Софи саму, принимая во внимание обстоятельства, освободили от школы. Но где же она может быть? Софи стала обходить квартиру, но слезы хлынули потоком, и девушка, кинув рюкзак на пол, села прямо посреди ковра в гостиной. Она закрыла глаза, пытаясь не видеть того, что сейчас причиняло ей такую боль. Все вокруг напоминало о Марит. Сшитые ею занавески, купленная совместно для украшения новой квартиры картина, подушки, которые Софи, полежав на них, никогда не взбивала, чем вечно расстраивала мать. Как Софи с ней ссорилась! Кричала на нее и злилась, потому что та предъявляла требования, устанавливала правила. Но вместе с тем это доставляло Софи удовольствие. Ругань и ссоры приучили ее тянуться к стабильности и упорядоченности. И главное, несмотря на протест, провоцируемый ее подростковым организмом, Софи ощущала уверенность от сознания, что она здесь. Мама. Марит. Теперь остался только отец.

Почувствовав у себя на плече руку, Софи подскочила. Подняла взгляд.

– Керстин? Ты дома?

– Да, я спала, – ответила Керстин, опускаясь на корточки рядом. – Как ты?

– О, Керстин, – только и произнесла Софи, уткнувшись лицом ей в плечо.

Женщина неловко обняла ее. Они, как правило, обходились в общении без физического контакта – когда Марит переехала к Керстин, Софи уже вышла из того возраста, когда детишек принято обнимать и целовать. Однако вскоре ощущение неловкости стало исчезать. Софи жадно вдыхала запах кофты Керстин – это была одна из любимых кофт матери, еще хранившая аромат ее духов. От этого запаха слезы хлынули сильнее, и Софи почувствовала, что на плечо Керстин потекли слезы. Она отодвинулась.

– Прости, я вымазала тебя.

– Ничего, – сказала Керстин, смахивая большими пальцами слезы с лица Софи. – Сморкайся сколько угодно. Это... кофта твоей мамы.

– Я знаю, – ответила Софи и засмеялась. – Она бы убила меня, если бы увидела, что на ней образовались пятна от туши.

– Овечью шерсть нельзя стирать больше чем при тридцати градусах, – монотонно произнесли они хором, и обе рассмеялись.

– Пойдем на кухню, – предложила Керстин, помогая Софи подняться. Только тут Софи заметила, что лицо маминой подруги словно осунулось и выглядит намного бледнее обычного.

– А как ты сама? – с беспокойством спросила Софи.

Керстин всегда бывала такой... собранной. Девушка испугалась, увидев, как у нее задрожали руки, когда она стала наливать в электрический чайник воду.

– Да так себе, – ответила Керстин, не в силах сдержать подступившие к глазам слезы. Она столько плакала за последние дни, что ее удивило, как у нее еще остались слезы. Она приняла решение и собралась с духом. – Послушай, Софи, мы с твоей мамой... Я должна тебе кое-что...

Она умолкла, не зная, как продолжить, да и не зная, надо ли продолжать. Но, к своему огромному удивлению, увидела, что Софи засмеялась.

– Милая Керстин, надеюсь, ты не собираешься рассказывать мне про вас с мамой как о великой новости?

– Что ты имеешь в виду: про нас с мамой? – осторожно спросила Керстин.

– Ну, что вы были вместе и тому подобное. Господи, неужели ты думаешь, что вы могли кого-нибудь провести? – Она снова засмеялась. – Что за дурацкий спектакль вы разыгрывали? Мама перетаскивала свои вещи взад и вперед, в зависимости от того, здесь я живу или нет, и вы потихоньку держались за руки, когда думали, что я не вижу. Бо-о-же, какая глупость, сейчас ведь все либо гомосексуалы, либо бисексуалы. Это же самый писк.

Керстин смотрела на нее совершенно обескураженно.

– Почему же ты ничего не говорила? Раз уж знала?

– Это было классно – смотреть, как вы разыгрываете театр. Самое прикольное развлечение.

– Вот чертовка! – воскликнула Керстин и от души рассмеялась. После скорби и рыданий минувших дней смех разнесся по кухне как знак освобождения. – Марит свернула бы тебе шею, узнай она, что ты в курсе и просто притворяешься.

– Наверняка, – подтвердила Софи, присоединяясь к смеху. – Вы бы только видели себя: крадутся на кухню, целуются и перетаскивают вещи, как только я съезжаю к отцу. Разве ты не понимаешь, какой это был классный фарс?

– Да, прекрасно понимаю. Но так хотела Марит. – Керстин мгновенно вновь обрела серьезность.

Электрический чайник щелкнул, показывая, что вода закипела, и Керстин благодарно воспользовалась этим как поводом, чтобы встать и повернуться к Софи спиной. Она достала две чашки, насыпала чаю в две заварочные ложки и залила их горячей водой.

– Вода должна сперва немного остынуть, – сказала Софи, и Керстин невольно снова рассмеялась.

– Я подумала о том же. Твоя мама хорошо нас выдрессировала.

Софи улыбнулась.

– Да, точно. Хотя ей, вероятно, хотелось выдрессировать меня чуть больше. – Ее печальная улыбка говорила обо всех обещаниях, которые ей теперь не удастся сдержать, обо всех надеждах, которым теперь не суждено сбыться.

– Знаешь, Марит так тобой гордилась! – Керстин снова села и протянула Софи чашку с чаем. – Ты бы только слышала, как она тобой хвасталась, и даже когда вы здорово ссорились, она могла сказать: «Ну и запал у этого чертенка».

– Правда? Ты меня не обманываешь? Она действительно мной гордилась? Но я ведь доставляла ей столько неприятностей.

– Э, Марит видела, что ты просто гнешь свою линию. А линия заключалась в том, что ты стремилась не зависеть от нее. И... – она поколебалась, – особенно учитывая произошедшее между ней и Улой, она считала чрезвычайно важным, чтобы ты могла постоять за себя. – Керстин глотнула чаю, но чуть не обожгла язык – тот был еще слишком горячим. – Знаешь, она очень боялась, что развод и все последующее как-то... травмируют тебя. Больше всего ее волновало, что ты можешь не понять. Не понять, почему ей пришлось все поломать. Она поступила так не только ради себя, но и ради тебя.

– Да, поначалу я этого не понимала, но потом, когда повзрослела, поняла.

– Ты хочешь сказать, когда тебе исполнилось целых пятнадцать лет? – с вызовом уточнила Керстин. – Значит, именно в пятнадцать лет получают инструкцию, со всеми ответами, со всеми сведениями о жизни, о бесконечности и вечности? Можно мне в таком случае как-нибудь ее у тебя одолжить?

– А-а, – засмеялась Софи. – Я не то имела в виду. Я только хотела сказать, что, возможно, начала смотреть на отца с матерью больше как на людей, а не просто как на «папу с мамой». И я, пожалуй, уже больше не папина дочка, – грустно добавила она.

На мгновение Керстин задумалась, не рассказать ли Софи обо всем остальном – о том, от чего они пытались ее уберечь. Но порыв прошел, и она не стала возвращаться к этой мысли.

Они пили чай и разговаривали о Марит. Смеялись и плакали. Но говорили они прежде всего о женщине, которую обе любили, каждая по-своему.

* * *

– Привет, девчонки, что вам сегодня угодно? Может, маленький багетик от Уффе?

Веселое хихиканье девушек, толпившихся в пекарне, показывало, что комментарий достиг нужного эффекта. Это вдохновило Уффе на дальнейшие подвиги – он взял один из багетов и попытался продемонстрировать свои возможности, размахивая им перед собой на уровне бедер. Хихиканье перешло в несколько испуганные восклицания, что побудило Уффе начать делать в их сторону непристойные жесты.

Мехмет вздохнул: Уффе ему осточертел. Мехмет явно угодил в ловушку, когда ему выпало работать в пекарне вместе с этим типом. Против самого рабочего места он ничего не имел – готовить ему нравилось, и он мечтал побольше узнать о пекарском искусстве, но просто не представлял себе, как выдержит пять недель в обществе идиота Уффе.

– Эй, Мехмет, а ты не хочешь показать багетик? Думаю, девчонкам захочется посмотреть на действительно крутой багет мигрантика.

– Прекрати, – отозвался Мехмет, продолжая выкладывать шоколадные рулетики рядом с бисквитами.

– А что такого? Ты же у нас любимец девушек. А они тут наверняка еще не видали ни одного черномазого. Как, девчонки? Вы когда-нибудь видали мигранта? – Уффе театрально развел руками в сторону Мехмета, словно желая представить его на сцене.

Мехмет начал не на шутку злиться. Он скорее чувствовал, чем видел, как привинченные к потолку камеры стали брать его крупным планом. Они ждали, страстно желали его реакции. Каждый нюанс будет транслироваться прямо в гостиные по всей стране, а нет реакций, нет чувств, значит, нет и зрителей. Мехмет это понимал – после благополучно пройденного пути до самого финала в «Ферме» правила игры ему были знакомы. Однако он их как-то забыл, вытеснил. Иначе разве он согласился бы на это? Правда, Мехмет сознавал, что это бегство. В течение пяти недель ему предоставлялась возможность жить в некоем защищенном пространстве, в пузыре во времени. Никакой ответственности, никаких требований – только существовать и реагировать на внешние раздражители. Не надо вкалывать на какой-нибудь смертельно скучной работе, чтобы наскрести на оплату проклятой жалкой квартирки. Никаких будней, день за днем укорачивавших его жизнь, причем без каких-либо особых событий, никакого разочарования из-за того, что он не оправдывает ожиданий. От этого-то он в основном и бежал – от разочарования, которое постоянно видел в глазах родителей. Они возлагали на него огромные надежды. Образование, образование и еще раз образование – это заклинание ему приходилось выслушивать все детство. «Мехмет, ты должен получить образование. Ты обязан использовать шанс в этой прекрасной стране. В Швеции учиться могут все. Ты должен учиться». Отец снова и снова наставлял его с самых первых лет жизни. И он пытался. Действительно пытался. Однако способностями к наукам Мехмет не отличался, буквы и цифры не желали застревать у него в голове. Но уж врачом-то он станет, или инженером, или, на худой конец, экономистом. На это его родители твердо рассчитывали, потому что в Швеции у него ведь имелся шанс. В каком-то смысле их мечты осуществились: его четыре старшие сестры охватили все три профессии. Две стали врачами, третья – инженером, а четвертая – экономистом. Ему же – младшенькому – каким-то образом удалось занять в семье место паршивой овцы. Ни «Ферма», ни «Покажи мне Танум» нисколько не повысили его акций в глазах родных. Да он на это и не надеялся: напиваться перед камерой никогда не считалось достойной альтернативой профессии врача.

– Покажи-ка багетик мигранта, покажи, – продолжал Уффе, пытаясь увлечь за собой хихикающих малолетних зрителей.

Мехмет чувствовал, что начинает свирепеть. Он бросил свое дело и подошел к Уффе.

– Прекрати немедленно! – Из внутренних помещений пекарни появился Симон с большим противнем теплых булочек в руках.

Уффе с вызовом посмотрел на него, прикидывая, стоит ли подчиняться. Симон передал ему противень:

– Вот, лучше угости девочек свежими булочками.

Уффе, посомневавшись, все-таки взял противень. Скривившиеся губы показывали, что его руки не столь привычны держать горячее железо, как у Симона, но ему оставалось только сжать зубы и протянуть противень девушкам.

– Ну, вы слышали. Уффе угощает булочками. Не полагается ли в знак признательности чмокнуть меня в щечку?

Симон закатил глаза, обернувшись к Мехмету, который благодарно улыбнулся в ответ. Симон ему нравился. Он владел пекарней, и контакт у них установился с первого рабочего дня: хозяин обладал каким-то особым качеством, благодаря которому они понимали друг друга с одного взгляда. Прикольно.

Когда Симон отправился дальше месить тесто и выпекать булочки, Мехмет проводил его долгим взглядом.

* * *

От вида появляющейся на ветке за окном зелени у Йосты начинало щемить в груди: каждая почка несла в себе предвестие восемнадцати лунок и клюшки «Биг Берта». Вскоре уже ничто не сможет встать между человеком и его клюшками.

– Тебе еще не удалось пройти пятую лунку? – послышался от двери женский голос, и Йоста поспешно и с ощущением неловкости свернул игру. Черт, ведь обычно он успевал услышать, если кто-то приближался. Во время игры он всегда сидел, наострив уши, что порой, к сожалению, пагубно сказывалось на концентрации.

– Я... я просто решил немного передохнуть, – смущенно пробормотал Йоста. Он знал, что остальные коллеги теперь не слишком-то верят в его работоспособность, но Ханна ему нравилась, и он надеялся заручиться ее доверием, пусть и на короткое время.

– А-а, не переживай, – засмеялась та, усаживаясь рядом с ним. – Я обожаю гольф. Мой муж, Ларс, тоже, и мы иногда деремся за место у компьютера. Но пятая лунка коварная. Тебе удалось с ней справиться? А то я могу показать, в чем хитрость. Мне потребовалось много часов, чтобы до этого додуматься.

Не дожидаясь ответа, она пододвинула стул поближе. Йоста едва верил своим ушам, но снова развернул игру и с благоговением сказал:

– Я бьюсь над пятой лункой с прошлой недели, но что ни делаю, шар уходит либо слишком далеко вправо, либо слишком далеко влево. Ума не приложу, в чем ошибка!

– Сейчас я тебе покажу, – сказала Ханна, забирая у него мышь.

Она привычно добралась до нужного места в игре, совершила несколько маневров, и... шар полетел и приземлился на зеленое поле, расположившись в идеально удобной позиции для того, чтобы Йоста мог следующим ударом загнать его в лунку.

– Вау, значит, вот как надо? Спасибо! – Йоста находился под большим впечатлением. Глаза у него засверкали так, как не сверкали уже много лет.

– Да, эта игра не для детей, – засмеялась Ханна, отодвигая стул и перемещаясь немного подальше.

– А вы с мужем в настоящий гольф тоже играете? – на волне энтузиазма спросил он. – Тогда в перспективе можно будет объединиться.

– К сожалению, нет, – ответила Ханна с явным огорчением, что очень понравилось Йосте. Лично ему то обстоятельство, что не все столь горячо любят гольф, как он сам, представлялось одной из величайших загадок жизни. – Правда, мы уже давно подумываем начать. Только вечно не находится времени, – сказала она, пожав плечами.

С каждой минутой Ханна нравилась Йосте все больше. Он был вынужден сознаться, что, как и Мельберг, несколько скептически отнесся к появлению новой коллеги противоположного пола. Сочетание груди с полицейской формой представлялось ему... ну, мягко говоря, странноватым. Однако Ханна Кресе действительно развеяла все его предубеждения. Похоже, она по-настоящему толковая женщина, и он надеялся, что Мельберг тоже оценит ее по достоинству и не станет излишне усложнять ей жизнь.

– Чем занимается твой муж? – с любопытством спросил Йоста. – Ему удалось найти здесь работу?

– И да и нет, – ответила Ханна, снимая с форменной рубашки невидимые пушинки. – Во всяком случае, ему повезло найти хотя бы временную работу, а там посмотрим.

Йоста вопросительно поднял брови. Ханна засмеялась.

– Да, я не сказала, он психолог. И будет работать с участниками, пока идут съемки реалити-шоу.

Йоста покачал головой.

– Я, вероятно, слишком стар, чтобы понять прелесть этого цирка. Перепихиваться под одеялом, напиваться в стельку и позориться перед всем шведским народом – и к тому же добровольно. Нет, мне такого не понять. В мое время хорошими развлечениями считались «Уголок Хюланда»¹⁰ и театральные постановки Нильса Поппе¹¹. Вещи, если можно так выразиться, почище.

– Какого Нильса? – переспросила Ханна, отчего Йоста помрачнел и вздохнул.

– Нильса Поппе, – повторил он, – он в летнее время ставил театральные спектакли, которые... – Он умолк, увидев, что Ханна смеется.

– Йоста, я знаю, кто такой Нильс Поппе. И Леннарт Хюланд тоже. Тебе незачем впадать в уныние.

– Спасибо, что сказала. А то я вдруг почувствовал себя столетним стариком. Прямо реликвией.

– Йоста, уж тебе-то до реликвии далеко, – опять засмеялась Ханна, вставая. – Продолжай играть, раз уж я показала тебе, как пройти пятую лунку. Ты вполне можешь позволить себе немного расслабиться.

Йоста тепло и благодарно улыбнулся ей. Какая женщина!

Затем он вернулся к попыткам одолеть шестую лунку. Пара-тройка лунок – это же пустяк.

* * *

– Эрика, ты обсудила с гостиницей меню? Когда мы поедем пробовать блюда? – Анна сидела, качая Майю на коленке, и строго смотрела на сестру.

– Дьявол, об этом я совсем забыла. – Эрика ударила себя по лбу.

– А платье? Может, ты собираешься выходить замуж в спортивном костюме? А Патрик пойдет на свадьбу в пиджаке для выпускного экзамена? Тогда понадобится вставить клинья по бокам и перебросить резинку между пуговицами. – Анна от души рассмеялась.

¹⁰ Развлекательная программа Леннарта Хюланда, шедшая по шведскому телевидению в 1962–1983 годах. Леннарт Хюланд (1919–1993) – известный шведский журналист, ведущий радио- и телепрограмм.

¹¹ Нильс Эйнар Поппе (1966–2000) – известный шведский актер, комик и директор театра.

– Ха-ха, как смешно, – сказала Эрика, которая в то же время не могла нарадоваться, глядя на сестру. Анна стала прямо новым человеком – она разговаривала, смеялась, ела с хорошим аппетитом и даже дразнила Эрику. – Я все это знаю, но откуда же взять время?

– Послушай, сейчас перед тобой лучшая няня Фьельбаки! Я хочу сказать, что Эмма с Адрианом днем в садике, и я спокойно могу присматривать за этой юной особой, так что пользуйся моментом.

– Хм, ты права, – согласилась Эрика, чувствуя себя немного глупо. – Я как-то не подумала... – Она осеклась.

– Тебе незачем чувствовать себя дурочкой. Я понимаю. Некоторое время ты не могла на меня рассчитывать, но теперь я снова в игре. Шайба вброшена. Я оторвалась от бортика.

– Послушай, кажется, кто-то проводит слишком много времени с Даном... – Эрика от души рассмеялась и поняла, что именно этого Анна и добивалась.

Она за последние месяцы тоже слишком ушла в себя: под давлением стресса ходила, прижав плечи к ушам, и только теперь почувствовала, что можно начинать расслабляться. Мешало этому только осознание того факта, что до свадьбы остается не более шести недель, а они с Патриком безнадежно затянули с подготовкой. И это внушало ей все нарастающий ужас.

– Мы поступим так, – решительно заявила Анна, спустив Майю на пол. – Составим список того, что надо сделать, потом разделим задания между тобой, Патриком и мной. Может, нам с чем-нибудь поможет Кристина? – Анна вопросительно посмотрела на Эрику, но, увидев ее испуганное лицо, добавила: – Или не стоит?

– Ради бога, не надо, свекровь мы стараемся к этому не подпускать. Дай ей волю, она устроит из свадьбы собственную частную вечеринку, «из лучших побуждений», как она упорно добавляет при каждом удобном случае. Знаешь, как она отреагировала, когда мы сообщили ей о свадьбе?

– Нет, а как? – с любопытством спросила Анна.

– Она даже не сказала для начала «как здорово, поздравляю» или что-нибудь подобное, а сразу перечислила пять пунктов, почему эта затея – ошибка.

– Отлично, – засмеялась Анна, – узнаю Кристину. Ну и что ей не понравилось?

Эрика подошла и вернула на место Майю, которая начала целеустремленно карабкаться вверх по лестнице. Установить загородку они все еще не собрались.

– Ну, во-первых, назначать свадьбу уже на Троицу слишком рано, требуется не меньше года, чтобы все спланировать. Потом ей не понравилось, что мы захотели сделать торжество довольно скромным и пригласить не более шестидесяти гостей, потому что тогда в нем не смогут участвовать тетя Агда, тетя Берга и тетя Рут, или как их там всех зовут. Причем, заметь, это всё тетушки не Патрика, а самой Кристины. Патрик видел их раз в жизни, когда ему было лет пять.

Анна уже так хохотала, что ей пришлось схватиться за живот. Майя переводила взгляд с одной на другую с таким видом, будто пыталась понять, что же тут такого веселого. И наверняка действительно пыталась, но потом явно решила, что не так уж важно, почему они смеются, и просто присоединилась, залившись громким радостным хохотом.

– Это два пункта, а дальше? – едва выговорила Анна между приступами веселья.

– Потом она принялась обсуждать рассадку гостей и волноваться из-за того, насколько близко посадят Биттан: допускать ее до почетного стола, разумеется, ни в коем случае нельзя, и вообще, обязательно ли ее приглашать, ведь родителями Патрика все-таки являются Кристина и Ларс, и поэтому, раз уж список гостей будет так урезан, отдавать предпочтение случайным знакомым явно не следует.

Теперь Анна уже просто легла от смеха.

– А под случайной знакомой, стало быть, подразумевается женщина, с которой Ларс живет уже двадцать лет, – с трудом сумела выговорить она.

– Именно, – ответила Эрика, вытирая выступившие от смеха слезы. – Претензия номер четыре состояла в том, что я не хочу брать ее свадебное платье.

– А разве вы вообще когда-нибудь говорили о ее свадебном платье? – прервала ее Анна и изумленно посмотрела на сестру.

– Мы даже близко не касались ее платья в разговорах. Но я видела его на старой свадебной фотографии Кристины и Ларса, и, учитывая, что это типичный образец моды шестидесятых годов, из какого-то гипюра и едва прикрывает задницу, пожалуй, имелись причины предположить, что меня оно не слишком заинтересует. Не больше, чем Патрика воодушевит идея отрастить пышные бакенбарды и бороду, как у отца на той же фотографии.

– Она просто ненормальная, – заключила Анна, которая уже отсмеялась, и теперь ее лицо выражало в основном изумление.

– И наконец, номер пять, та-та-та-а-а, – Эрика симитировала трубные звуки фанфар, – она потребовала, чтобы за программу развлечений отвечал ее племянник. То есть кузен Патрика.

– И? – спросила Анна. – Что ты имеешь против?

Эрика выдержала небольшую паузу.

– Он играет на нюкельхарпе¹².

– Ты шутишь, – произнесла Анна, похоже, по-настоящему испугавшись. – Ты это серьезно? – Ее снова разобрал смех. – О, я прямо вижу эту картину. Грандиозная свадьба: все тетушки Кристины с роллаторами, ты в коротеньком кружевном платьице, Патрик в выпускном костюме и с бакенбардами и последний штрих – весь вечер сопровождается музыкой нюкельхарпы. Боже, как здорово. Я бы отдала что угодно, лишь бы такое увидеть.

– Тебе хорошо смеяться, – с улыбкой сказала Эрика. – Но на сегодняшний день, похоже, свадьбы вообще не будет, принимая во внимание то, насколько мы запустили дела.

– Значит, так, – решительно заявила Анна и села за кухонный стол, держа наготове бумагу и ручку. – Сейчас мы составим список и сразу примемся за дело. И пусть Патрик не думает, что ему удастся уклониться. Кто у нас женится, одна ты или вы с Патриком?

– Пожалуй, второе, – ответила Эрика, скептически относившаяся к идее вывести Патрика из заблуждения, что в вопросе планирования и проведения свадьбы она является руководителем и исполнителем в одном лице. Он, похоже, уверовал в то, что его практические обязанности закончились на сватовстве и теперь от него требуется только вовремя явиться в церковь.

– Организовать оркестр для празднования, хм, сейчас подумаем... Патрик, – удовлетворенно записывала Анна.

Эрика с недоверием подняла брови, но Анна не дала себя отвлечь и продолжила составлять список.

– Организовать фрак для жениха... Патрик. – Она писала очень сосредоточенно, и Эрика наслаждалась возможностью, в виде исключения, не стоять у руля. – Обговорить время, чтобы попробовать блюда свадебного меню... Патрик.

– Послушай, из этого ничего не... – начала Эрика, но Анна притворилась, будто даже не слышит ее.

– Платье невесты – ну, тут уж, пожалуй, придется подключиться тебе. Что скажешь, если мы, три девушки, рванем завтра в Уддеваллу и посмотрим, что там имеется?

– Да... – с сомнением произнесла Эрика.

Примерять платья – это последнее, чего ей сейчас хотелось. Лишние килограммы, набранные ею, пока она вынашивала Майю, по-прежнему выпирали, как гора, а она еще кое-что добавила к ним, поскольку стресс последних месяцев лишил ее возможности следить за

¹² Нюкельхарпа – традиционный шведский музыкальный инструмент, напоминающий колесную лиру.

тем, что она сует в рот. Эрика застыла, держа в руке булочку, от которой как раз собиралась откусить, и вернула ее обратно на блюдо. Анна оторвала взгляд от списка.

– Знаешь, если ты до свадьбы будешь воздерживаться от углеводов, то легко сбросишь лишние килограммы.

– Послушай, мне и раньше никогда не удавалось быстро сбросить вес, – мрачно сказала Эрика.

Одно дело, когда ты думаешь об этом сам, и совсем иное, когда на необходимость похудеть тебе указывает кто-то со стороны. Но в то же время Анна права. Если ей хочется хорошо выглядеть на свадьбе, надо что-то предпринимать.

– Ладно, попробую, – неохотно согласилась она. – Никаких булочек и пирожных, никаких конфет, хлеба и макарон, сделанных из белой муки, и так далее.

– Но платье все равно надо начинать искать сейчас. Если потребуется, его нам ушьют прямо перед свадьбой.

– Поживем – увидим, – глухо отозвалась Эрика. – Но ты права, мы можем завтра отправиться в Уддеваллу, как только завезем Эмму и Адриана в садик. И посмотрим. Иначе мне, пожалуй, придется выходить замуж в тренировочном костюме, – добавила она, осматривая себя с мрачным видом. – Что там еще? – со вздохом спросила она, кивнув в сторону списка.

Анна продолжала усердно писать и раздавать задания налево и направо. На Эрику вдруг навалилась страшная усталость. Из этого все равно ничего не получится.

* * *

Переходя улицу, они не спешили. Прошло четыре дня с тех пор, как Патрик с Мартином проделали тот же путь, и они не знали, что их ждет. Четыре дня Керстин прожила с известием о смерти своей сожительницы. Наверняка эти четыре дня показались ей бесконечно долгими.

Вопросительно взглянув на Мартина, Патрик нажал на кнопку звонка. Они оба, словно сговорившись, сделали глубокий вдох и затем выпустили часть накопившегося в теле напряжения. В каком-то смысле так терзаться, встречаясь с людьми в горе, казалось эгоистичным. Эгоистично испытывать даже малейшие мучения, когда тебе несравнимо легче, чем тому, кто переживает потерю близкого человека. Но мучиться заставляла боязнь употребить неправильное слово, совершить неверный шаг и навредить, хотя, по логике, что бы они ни сказали или ни сделали, – это не могло усугубить неотступную и неизбывную боль.

Они услышали приближающиеся шаги, и дверь открылась. За ней оказалась не Керстин, как они того ожидали, а Софи.

– Здравствуйте, – слабым голосом произнесла она, и они увидели явные следы многодневных слез. Девушка не двигалась с места, и Патрик кашлянул.

– Здравствуй, Софи. – Он умолк, но затем продолжил: – Ты, вероятно, помнишь нас, мы – Патрик Хедстрём и Мартин Мулин. – Он посмотрел на товарища, но затем вновь перевел взгляд на Софи. – А... Керстин дома? Нам бы хотелось с ней немного поговорить.

Софи отступила в сторону, потом, оставив гостей ждать в прихожей, зашла вглубь квартиры и прокричала:

– Керстин, тут полицейские! Они хотят с тобой поговорить!

Из комнаты появилась Керстин – тоже с красными от слез глазами. Она остановилась немного поодаль, в полном молчании, и ни Патрик, ни Мартин не знали, как им подступиться к тому разговору, с которым они пришли. Под конец Керстин спросила:

– Вы не хотите зайти?

Они кивнули, сняли обувь и прошли за ней на кухню. Софи, похоже, собиралась последовать за ними, но Керстин, вероятно, инстинктивно почувствовала, что разговор будет не предназначен для ее ушей, поскольку едва заметно помотала головой. На секунду показалось,

что Софи хотела проигнорировать этот жест, но потом пожала плечами, пошла к себе в комнату и закрыла дверь. Со временем она узнает, о чем шла речь, но в данный момент Патрику с Мартином хотелось, чтобы их беседе с Керстин никто не мешал.

Как только они расселись, Патрик перешел прямо к делу:

– Мы обнаружили кое-какие... неясности относительно аварии Марит.

– Неясности? – произнесла Керстин, вопросительно глядя на обоих гостей по очереди.

– Да... – вступил в разговор Мартин. – Имеются отдельные... повреждения, которые, возможно, нельзя приписать аварии.

– Возможно? – переспросила Керстин. – Вы не знаете точно?

– Да, мы пока не уверены, – признался Патрик. – Мы будем знать больше, когда получим окончательное заключение судмедэксперта. Однако имеется достаточно вопросительных знаков, чтобы у нас возникло желание поговорить с вами немного подробнее. Узнать, есть ли основания полагать, что кто-то хотел причинить Марит вред.

Патрик увидел, что Керстин вздрогнула. Он скорее почувствовал, чем заметил, что в ее голове промелькнула мысль, которую она с той же быстротой отогнала. Но именно эту мысль ему предстояло вернуть обратно и вытащить наружу.

– Если вам известен кто-то, кто мог хотеть причинить Марит вред, вы обязаны нам сказать. Хотя бы для того, чтобы мы могли исключить данного человека.

Оба полицейских напряженно всматривались в лицо хозяйки. Она, казалось, вела какую-то внутреннюю борьбу, и они сидели молча, давая ей возможность собраться с мыслями.

– Мы получали кое-какие письма, – наконец медленно и неохотно выговорила она.

– Письма? – переспросил Мартин, желая услышать продолжение.

– Да-а... – Керстин покрутила золотое кольцо на безымянном пальце левой руки. – Мы получали письма в течение четырех лет.

– Что они содержали?

– Угрозы, грязь, разные вещи о наших с Марит отношениях.

– Кто-то угрожал из-за... – Патрик колебался, не зная, как лучше сформулировать, – из-за природы ваших отношений?

– Да, – неохотно ответила Керстин. – Кто-то, подозревавший, что мы больше чем подруги, и кого это... – теперь настала ее очередь подбирать слова, – задевало, – под конец решила она.

– В чем заключались угрозы? Насколько они были серьезны? – Мартин начал записывать все, что говорилось. В любом случае это открытие не противоречило фактам, указывавшим на то, что смерть Марит явилась не результатом несчастного случая.

– Они были очень серьезными. Там было сказано, что такие, как мы, омерзительны, что мы извращенки. Что таких надо убивать.

– Как часто приходили подобные письма?

Керстин задумалась, продолжая нервно крутить кольцо.

– Пожалуй, мы получали по три-четыре штуки в год. Иногда больше, иногда меньше. Никакой системы вроде не было. Скорее кто-то отправлял их, когда у него бывало соответствующее настроение, если вы понимаете, что я имею в виду.

– Почему вы ни разу не заявили в полицию? – Мартин оторвал взгляд от записей.

Керстин улыбнулась кривой улыбкой.

– Марит не хотела. Она боялась, что станет только хуже. Что из этого раздуют целое дело и наши... отношения выйдут наружу.

– А этого ей не хотелось? – спросил Патрик, но потом вспомнил рассказ Керстин о том, что именно по этому поводу они поссорились перед тем, как Марит ушла из дома в тот вечер – когда она так и не вернулась.

– Да, она не хотела, – тихо сказала Керстин и встала. – Но мы сохранили письма. На всякий случай.

Патрик с Мартином изумленно посмотрели друг на друга. Они и не думали об этом спрашивать, даже не смея надеяться на такую удачу. А теперь у них, возможно, появится вещественное доказательство, которое приведет их к человеку, угрожавшему Марит.

Керстин вернулась с толстой пачкой писем в пластиковом пакете и высыпала их на стол перед полицейскими. Боясь попортить улики больше, чем их уже испортили почта и руки получательниц, Патрик только осторожно пошевелил послания шариковой ручкой. Они по-прежнему находились в конвертах, и он почувствовал, как у него сильнее забилося сердце при мысли о том, что под приклеенными к ним марками, возможно, имеется прекрасный доказательный материал в форме ДНК.

– Можно нам взять их с собой? – спросил Мартин, тоже с надеждой глядя на кучу писем.

– Да, берите, – устало согласилась Керстин. – Унесите, а потом сожгите это дерьмо.

– А кроме писем вам никаких угроз не поступало?

Керстин снова села и напряженно задумалась.

– Даже не знаю, – с сомнением сказала она. – Нам иногда кто-то звонил, но, когда мы поднимали трубку, там ничего не говорили, а просто молчали, пока мы ее не клали. Однажды мы даже попытались проследить номер, но явно вышли на мобильный телефон с предоплаченной картой. Поэтому узнать, кто звонил, не удалось.

– Когда был последний из этих звонков? – Мартин напряженно ждал, занеся ручку над блокнотом.

Керстин задумалась.

– Ну-у... когда же это могло быть? Может, недели две назад? – Ее пальцы вновь нервно завертели кольцо.

– И это все? Больше никто не мог хотеть причинить Марит вред? Какие у нее, кстати, были отношения с бывшим мужем?

Керстин долго медлила с ответом. Бросив взгляд в прихожую и убедившись, что дверь в комнату Софи закрыта, она наконец сказала:

– Поначалу было тяжело, в общем-то, довольно долгое время. Но последний год прошел спокойнее.

– В каком смысле тяжело? – спросил Патрик, а Мартин продолжил записывать.

– Он не мог смириться с тем, что Марит его оставила. Они ведь жили вместе с самой юности, правда, по словам Марит, их отношения уже много лет как оставляли желать лучшего, если вообще когда-нибудь и были хорошими. Честно говоря, ее немного удивила столь сильная реакция Улы, когда она сообщила, что хочет переехать. Но Ула... – она поколебалась, – Ула испытывает некую потребность в контроле за ситуацией. Все должно быть чинно и размеренно, а уход Марит нарушил установленный порядок. Пожалуй, больше всего его задело именно это, а не то, что он ее потерял.

– Он когда-либо применял против нее физическую силу?

– Нет, – с сомнением произнесла Керстин и вновь с беспокойством взглянула на дверь Софи. – Вообще-то смотря что считать применением силы. Думаю, бить он ее никогда не бил, но мне известно, что в некоторых случаях хватал за руки, отпихивал, ну и вроде того.

– А как им удалось договориться относительно Софи?

– Это как раз одна из тех вещей, по поводу которых они поначалу много ругались. Марит сразу переехала ко мне, и хотя прямо о наших отношениях не говорилось, он, вероятно, догадывался. Он был категорически против того, чтобы Софи здесь жила, пытался всячески препятствовать – приезжал и забирал ее намного раньше условленного времени и так далее.

– Но потом все устроилось? – спросил Мартин.

– Да, слава богу, в этом вопросе Марит стояла на своем, и он под конец понял, что сопротивляться бесполезно. Она стала угрожать, что заявит во все возможные инстанции, и Ула уступил. Однако его никогда особо не радовало то, что Софи приходит сюда.

– А Марит кому-нибудь рассказывала о том, какие у вас были отношения?

– Нет. – Керстин решительно замотала головой. – Тут она проявляла страшное упрямство. Считала, что это никого, кроме нас, не касается. Не хотела говорить даже Софи. – Керстин улыбнулась и снова покачала головой, правда, значительно медленнее. – Хотя Софи оказалась сообразительнее, чем думала Марит. Она сегодня рассказала, что ни на секунду не попала на наши уловки и попытки все скрыть. Господи, мы перетаскивали пожитки и пытались потихоньку целоваться на кухне, как последние школьницы. – Она засмеялась, и Патрик поразился тому, насколько улыбка смягчала ее лицо.

Потом она вновь посерьезнела.

– Но мне тем не менее трудно поверить в то, что Ула имеет отношение к смерти Марит. Ведь сильнее всего они ругались довольно давно, и... ну, не знаю. Просто это кажется невероятным.

– А у вас нет никаких предположений относительно того, кто мог писать письма и звонить? Она не говорила о том, что кто-нибудь из покупателей магазина вел себя странно, или о чем-либо подобном?

Керстин долго и обстоятельно думала, но потом медленно помотала головой.

– Нет, я ничего не могу припомнить. Может, тут вам повезет больше. – Она кивнула в сторону кучи писем.

– Да, будем надеяться, – сказал Патрик, аккуратно засовывая послания обратно в пакет. Они с Мартином встали. – Значит, мы можем это забрать?

– Да, черт возьми, я не желаю их больше видеть. – Керстин проводила полицейских до двери и протянула на прощание руку. – Вы сообщите, когда точно будете знать... – Она не договорила.

Патрик кивнул.

– Да, я обещаю дать вам знать, как только у нас появится более точная информация. Спасибо, что уделите нам время и поговорили с нами в такой... тяжелый момент.

Она лишь кивнула и закрыла за ними дверь. Патрик посмотрел на пакет, который держал в руках.

– Как насчет того, чтобы отправить сегодня небольшую посылочку в Государственную криминалистическую лабораторию?

– Прекрасная идея, – отозвался Мартин и двинулся в направлении здания полиции. Теперь им, по крайней мере, есть с чего начинать.

* * *

– Мы действительно возлагаем на этот проект большие надежды. Вы ведь начнете трансляцию в понедельник?

– Да-да, всенепременно, и тогда уже погоним сплошняком, – ответил Фредрик и широко улыбнулся Эрлингу.

Они сидели в большом офисе главы администрации, в маленьком отсеке, где вокруг стола стояло несколько мягких кресел. Одним из первых шагов Эрлинга на новом месте стала замена скучной чиновничьей мебели на настоящие вещи – экста-класса и отменного качества. Подсунуть счет в бухгалтерские книги не составило особого труда – ведь покупать офисную мебель все равно необходимо.

Кожа слегка закрипела, когда Фредрик сменил положение в кресле и продолжил:

– Мы пока чрезвычайно довольны проведенной съемкой. Может, маловато действия, но хороший материал, чтобы представить участников и как бы задать тон. Теперь уже от нас зависит, чтобы возникла интрига и в прессе появились классные заголовки. Тут ведь завтра вече-

ром планируется какое-то увеселительное мероприятие, оно может стать отличным поводом для начала настоящего шоу. Насколько я знаю участников, они сильно оживят вашу вечеринку.

– Да, нам ведь хочется, чтобы в прессе о Тануме сообщалось по меньшей мере столько же, сколько об Омоле и Тёребуде. – Эрлинг раскурил сигару и посмотрел на продюсера сквозь дым. – Вы точно не хотите, чтобы я угостил вас сигарой? – Он кивнул в сторону стоящей на столе шкатулки – хьюмидора¹³, как обычно говорил Эрлинг, делая ударение на «о». Такие вещи важны. Только любители хранят сигары в фабричных дурацких коробках, а у настоящих знатоков имеется хьюмидор.

Фредрик Рен помотал головой.

– Нет, спасибо, я придерживаюсь простых ядовитых палочек. – Он достал из кармана пачку «Мальборо» и закурил. Дым начал плотно окутывать стол.

– Не могу не подчеркнуть, как важно, чтобы в ближайшие недели о нас действительно заговорили. – Эрлинг сделал еще одну затяжку. – Омель ведь во время съемок попадал на первые страницы газет не реже чем раз в неделю, и Тёребуда от него не намного отставала. Я надеюсь, что в нашем случае будет по меньшей мере так же. – Он помахивал сигарой, как указкой.

Продюсер не дал себя запугать – он привык управляться с самоуверенными телевизионными начальниками и не боялся бывшего руководителя, а теперь мелкой шишки в стране лилипутов.

– Заголовки появятся, не сомневайтесь. Если дело пойдет туго, придется просто поддать жару. Поверьте, мы точно знаем, на какие кнопки надо нажимать. Наши подопечные не семи пядей во лбу. – Он засмеялся, и Эрлинг присоединился. – Уравнение на самом деле чертовски простое. Мы собираем несколько тупых и жаждущих медийной известности молодых людей, снабжаем их кучей спиртного и расставляем вокруг них постоянно включенные камеры. Они регулярно недосыпают, паршиво едят и все время испытывают давление с нашей стороны и со стороны телезрителей, сознавая, что должны что-то создавать, демонстрировать. Если у них не получится, им придется распрощаться с посещениями баров, проходами без очереди в ночные клубы, обилием девиц и денег за фотки для журналов. Не сомневайтесь, они заинтересованы в газетных заголовках и телерейтингах, а у нас имеются необходимые инструменты, чтобы направить их энергию в нужное русло.

– Похоже, что вы свое дело знаете. – Эрлинг склонился над столом и стряхнул длинный столбик пепла в пепельницу. – Хотя должен признаться, что сам я прелести таких программ не понимаю. Мне бы и в голову не пришло смотреть подобное, не будь у нас особой заинтересованности в данном шоу. Слава богу, я знаю, какие программы показывали раньше. То было качественное телевидение. «Это твоя жизнь», «Безмолвные гости», «Гость Хагге»...¹⁴ Таких ведущих, как Лассе Хольмквист и Хагге Йейгерт, теперь уже больше нет.

Фредрик Рен с трудом удержался, чтобы не закатить глаза. Вечно эти старикашки ноют по поводу того, что телевидение раньше было лучше. Но посади их перед серией с таким Хагге, или как его там, они уснут в течение десяти секунд. Снотворное, блин, а не программы. Но он лишь улыбнулся Эрлингу, словно был с ним полностью согласен. С этим мужиком надо поддерживать хорошие отношения.

– Только мы, разумеется, не хотим, чтобы кто-нибудь пострадал, – продолжил Эрлинг с озабоченной морщиной на лбу.

Будучи руководителем компании, он с успехом пользовался этой морщиной, и в результате долгих тренировок она получалась почти естественной.

¹³ Хьюмидор (*лат. humidus* – влажный) – ящик, шкатулка (реже шкаф или комната) для хранения сигар. Главной задачей хьюмидора является поддержание уровня влажности на уровне 65–75 %, при котором сигары могут храниться без потери качества.

¹⁴ Развлекательные программы шведского ТВ 1980–1990-х годов.

– Конечно же нет, – вторил ему продюсер, тоже попытавшийся изобразить на лице озабоченность и заинтересованность. – Мы тщательно следим за самочувствием участников и даже организовали им на время съемок поддержку профессионального психолога.

– Кого же вы наняли? – спросил Эрлинг, откладывая сигару, от которой уже почти ничего не осталось.

– Нам очень повезло, нас познакомили с психологом, который только что переехал в Танум. Его жена получила должность в местной полиции. У него солидный профессиональный опыт, поэтому мы очень рады, что нашли его. Он будет беседовать с участниками индивидуально и со всеми вместе раза два в неделю.

– Отлично, отлично, – закивал Эрлинг. – Нам ведь чрезвычайно важно, чтобы все хорошо себя чувствовали. – Он отечески улыбнулся Фредрику.

– В этом вопросе у нас с вами полное единодушие. – Продюсер улыбнулся в ответ. Правда, не столь по-отечески.

* * *

Калле Шернфельт стоял в нерешительности, держа в одной руке мундштук, а в другой тарелку, и с отвращением смотрел на остатки еды.

– Тьфу, какой, блин, бардак, – сказал Калле, будучи не в силах оторвать взгляд от смешавшихся в одну кашу мяса, соуса и кусочков картошки. – Эй, Тина, когда мы наконец поменяемся? – раздраженно спросил он, уставившись на проплывавшую мимо девушку, державшую две тарелки с аккуратно разложенной на кухне едой.

– Что до меня, так никогда, – огрызнулась та, открывая бедром дверь.

– Дьявол, как я это ненавижу! – прорычал Калле и скинул тарелки в мойку. Раздавшийся за спиной голос заставил его вздрогнуть.

– Послушай, если ты что-нибудь разобьешь, мы вычтем у тебя из зарплаты. – На него сурово смотрел Гюнтер, шеф-повар ресторана «Постоялый двор».

– Если ты думаешь, что я тут из-за денег, ты жестоко ошибаешься, – нагло ответил Калле. – К твоему сведению, дома, в Стокгольме, я трачу за вечер больше, чем ты зарабатываешь за месяц!

Он взял еще одну тарелку и демонстративно швырнул ее в мойку. Тарелка разбилась, а его дерзкий взгляд явно подстрекал Гюнтера к каким-либо действиям. На секунду показалось, что шеф-повар уже открывает рот, чтобы выругаться, но потом он взглянул на камеры и, что-то бормоча, пошел обратно на кухню – размешивать булькающую на конфорках еду.

Калле криво усмехнулся. Всё одно, где ни находишься – в Танумсхеде или в центре Стокгольма. Реально. Кто платит, тот и заказывает музыку. Все тянутся к деньгам. С этим он вырос, научившись так жить и ценить такой уклад. Почему бы и нет? Ведь ему от этого одна польза. Он же не виноват, что родился в мире, где деньги швыряют на ветер. Только однажды – на острове – ему довелось ощутить, что эти правила не работают. От одной мысли об этом он помрачнел.

Калле согласился участвовать в «Робинзоне», полный радужных надежд. Он привык побеждать и был уверен, что ему не составит труда на голову разбить кучку тупых провинциалов. Он ведь знал, что за народ участвует в программе – безработные, грузчики и парикмахерши. Для такого парня, как он, победить их – раз плюнуть. Однако реальность обернулась для него шоком. При отсутствии возможности вытащить бумажник и блеснуть важными оказались совершенно иные вещи. Когда еда закончилась и кругом осталось одно дерьмо и песчаные блохи, его достоинства свелись к нулю. Он испытал жгучую боль. При голосовании его поставили пятым, он даже не пошел на последнюю тусовку. Ему внезапно пришлось осознать, что люди не питают к нему теплых чувств. Не то чтобы он был самым популярным парнем в Стокгольме, но там к нему, по крайней мере, относились с уважением и восхищением.

Перед ним часто и с удовольствием заискивали, чтобы не упустить момента, когда шампанское льется рекой и вокруг вьются девицы. На острове этот мир казался бесконечно далеким, и победу одержал какой-то полный ноль из Смоланда¹⁵ – кретин-столяр, вокруг которого все ахали, потому что он такой подлинный, такой честный, такой простой. Проклятые идиоты. Да, остров оставил впечатление, которое Калле постарался забыть как можно скорее.

Но тут все будет по-другому. Здесь он куда больше в своей стихии. Допустим, не возле мойки, но у него есть шанс показать, на что он способен. Его характерный для престижного стокгольмского района выговор, классически зачесанные назад волосы и дорогая фирменная одежда тут кое-что значат. Ему не придется носиться полуголым, подобно безмозглому дикарю, пытаясь полагаться на какого-то великого засранца. Здесь он сможет взять верх.

Калле нехотя достал из мойки грязную тарелку и начал ее споласкивать. Надо поговорить с продюсерами, чтобы их с Тиной поменяли местами. Это уж всяко не соответствует его имиджу.

Словно в ответ на его мысли, из распахивающейся в обе стороны двери вновь появилась Тина. Она прислонилась к стене, сняла туфли и закурила сигарету.

– Хочешь? – Тина протянула ему пачку.

– Да, блин, – ответил Калле и тоже прислонился к стене.

– Нам ведь нельзя тут курить? – спросила Тина, выпустив кольцо дыма.

– Да, – снова отозвался он и выпустил кольцо, устремившееся следом.

– Что ты думаешь насчет сегодняшнего вечера? – Она посмотрела на него.

– Ты имеешь в виду дискотеку, или как они это там, блин, называют?

– Именно. – Тина засмеялась. – Думаю, я не бывала на «диско» с середины школы. – Она немного пошевелила пальцами ног, болевшими от того, что они в течение нескольких часов были сжаты туфлями на высоком каблуке.

– А, ежу ясно, там будет прикольно. Ведь бал правим мы. Народ соберется ради нас. Разве может получиться не прикольно?

– Да, я, во всяком случае, собираюсь попросить Фредрика устроить так, чтобы мне дали спеть.

Калле захохотал.

– Ты чего, серьезно?

– А ты думаешь, я полезла в это дело из-за того, что тут так классно? – Тина посмотрела на него с обидой. – Мне надо ловить момент. Я несколько месяцев брала уроки пения, и после «Бара» записывающие конторы прямо с ума посходили.

– Так у тебя уже есть контакты в музыкальном мире? – подзадорил ее Калле, глубоко затягиваясь.

– Нет... Все как бы сорвалось. Но мой менеджер говорит, что всему виной был тайминг. Нам надо найти крутую мелодию, чтобы создать мне имидж. А еще он попытается устроить, чтобы меня пофоткал Бинго Ример¹⁶.

– Тебя? – дико захохотал Калле. – Знаешь, тогда, пожалуй, у Барби больше шансов... У тебя же нет таких... – он скользнул взглядом по ее телу, – достоинств.

– Что? Да у меня не менее красивое тело, чем у этой чертовой куклы. Только сиськи чуть поменьше. – Тина бросила сигарету на пол и сердито загасила ее каблуком туфли, которую держала в руке. – Но я коплю деньги на новую грудь, – добавила она, с вызовом глядя на Калле. – Еще десять тысяч крон, и я смогу заполучить классную чашечку Д.

– Ну, успехов, – сказал Калле и тоже раздавил сигарету на полу.

¹⁵ Смоланд – одна из южных провинций Швеции.

¹⁶ Бинго Ример (р. 1975) – известный шведский фотограф.

Именно в этот момент вернулся Гюнтер. Его лицо, уже и так покрасневшее на кухне от горячих паров, покраснело еще больше.

– Вы здесь курите! Это запрещено, абсолютно запрещено, совершенно запрещено. – Он возмущенно замахал руками, а Тина с Калле переглянулись и захохотали. У него был чертовски карикатурный вид.

С неохотой они вернулись к своим занятиям. Камеры все запечатлели.

* * *

Самыми лучшими были мгновения, когда они сидели вплотную друг к другу. Когда она брала в руки книгу. Шелест аккуратно переворачиваемых страниц, запах ее духов, прикосновение щеки к мягкой ткани ее блузки. Тени в такие мгновения держались поодаль. Все, что пугало и манило извне, становилось неважным. Ее голос, поднимавшийся и понижавшийся мягкими волнами. Иногда, если они уставали, один из них, а порой и оба засыпали, уронив голову ей на колени. Последним, что им запоминалось перед тем, как сон брал верх, были история, голос, шелест бумаги и ее пальцы, ласкающие волосы.

Историю эту они слышали множество раз. Знали ее от и до. Тем не менее она каждый раз казалась им новой. Иногда во время чтения он наблюдал за сестрой. Рот слегка приоткрыт. Глаза прикованы к страницам книги. Волосы разлетелись по спине поверх ночной рубашки. Он обычно каждый вечер расчесывал ей волосы. Это считалось его обязанностью.

Когда она читала, желание выбраться за закрытые двери исчезало. Существовал лишь красочный мир приключений, полный драконов, принцев и принцесс. Никаких закрытых дверей.

Ему смутно припоминалось, что поначалу он боялся. А потом уже нет. Потому что от нее так прекрасно пахло, ему было так мягко, и ее голос столь ритмично поднимался и понижался. Ведь он знал, что она его защитит. Хоть и сознавал, что он – ее неудачник.

* * *

В ожидании, пока Ула вернется домой с работы, Патрик с Мартином несколько часов занимались другими делами. Поначалу они собирались поехать к вдовцу сразу и поговорить с ним прямо в компании «Инвентинг», но решили подождать до пяти часов, когда закончится рабочий день. У них не было причин вынуждать его потом отвечать на многочисленные вопросы коллег. Во всяком случае, пока. Керстин ведь полагала, что Ула не имеет никакого отношения к анонимным письмам и звонкам. Патрик, правда, не был в этом убежден – ему требовалось железное подтверждение ее правоты. Пачку писем во второй половине дня отправили в криминалистическую лабораторию, и Патрик уже подал запрос на получение доступа к регистру абонентов, звонивших Керстин и Марит в периоды поступления анонимных звонков.

Ула открыл им дверь, похоже, только что выйдя из-под душа. Одеться он успел, но волосы были еще мокрыми.

– Я вас слушаю, – нетерпеливо сказал он. На его лице уже не осталось следов горя, навалившегося на него в понедельник, когда ему сообщили о смерти бывшей жены. Во всяком случае, таких, как у Керстин.

– Нам бы хотелось с вами еще немного поговорить.

– Вот как? – Ула по-прежнему проявлял нетерпение, правда, теперь с оттенком вопроса.

– Да, речь идет о некоторых вещах, связанных со смертью Марит, – ответил Патрик и призывно посмотрел на него.

Ула явно уловил сигнал – он шагнул в сторону и показал рукой, куда им пройти.

– Ну, даже хорошо, что вы пришли, поскольку я все равно собирался вам позвонить.

– Надо же, – сказал Патрик, усаживаясь на диван. На этот раз Ула не повел их на кухню, а указал на мягкую мебель в гостиной.

– Да, я хотел узнать, можно ли оформить запрет на посещение. – Ула сел в большое кожаное кресло и положил ногу на ногу.

– Вот как, – произнес Мартин, бросив испытующий взгляд на Патрика. – Кому же вам бы хотелось оформить запрет?

– Софи. На посещение Керстин. – В глазах Улы вспыхнула искра.

Гости не проявили удивления.

– Разрешите спросить – почему? – Патрик говорил обманчиво спокойным тоном.

– Софи теперь незачем ездить к этой... к этой... тетке! – Ула ответил с такой ненавистью, что даже брызнул слюной. Он наклонился вперед и, опершись локтями о колени, продолжил: – Она сегодня отправилась туда. Когда я приходил домой обедать, рюкзака не было, и я обзвонил ее подруг. Наверняка поехала к этой... лесби. Неужели этому нельзя как-то воспрепятствовать? Я, разумеется, серьезно поговорю с Софи, когда она вернется домой, но ведь должен существовать какой-нибудь законный способ положить этому конец? – Ула переводил требовательный взгляд с Мартина на Патрика.

– Ну, это может оказаться непросто, – ответил Патрик, с каждой минутой все больше утверждаясь в своих предчувствиях. То, о чем они собирались поговорить с Улой, представлялось теперь не просто возможным, а вполне вероятным. – Запрет на посещение – очень строгая мера, и я не думаю, что она применима в данном случае. – Он посмотрел на Улу, который заметно разволновался.

– Но, но, – забормотал тот. – Что же мне тогда, черт возьми, делать? Софи пятнадцать лет, и я не могу запереть ее, если она откажется прислушаться, а эта проклятая... – он с трудом проглотил слово, – она наверняка не захочет пойти навстречу. При жизни Марит я был вынужден терпеть... это, но продолжать сидеть в таком дерьме и дальше, нет, черт побери, увольте! – Он с такой силой ударил кулаком по стеклянной поверхности стола, что Патрик с Мартином оба подпрыгнули.

– Значит, вы не одобряете образ жизни, который избрала ваша бывшая жена?

– Избрала? Образ жизни? – Ула фыркнул. – Если бы не эта чертова сука, вбившая Марит в голову массу бреда, ничего бы не произошло. Мы с Марит и Софи продолжали бы жить вместе. Марит не только разрушила семью, предала меня и Софи, но и выставила нас на всеобщее посмешище! – Он помотал головой, словно по-прежнему отказываясь этому верить.

– А вы как-нибудь проявляли свое недовольство? – с подвохом спросил Патрик.

– Что вы имеете в виду? – Ула посмотрел на него с подозрением. – Конечно, я никогда не скрывал своего отношения к тому, что Марит нас оставила, но всячески умалчивал о причине. Кому захочется распространяться о том, что твоя жена перешла в другой лагерь. Если тебя бросили ради бабы, хвастаться тут особенно нечем. – Он попытался усмехнуться, но горечь превратила усмешку в нечто гораздо более зловещее.

– Но вы ничего не предпринимали против бывшей жены и Керстин?

– Я не понимаю, на что вы намекаете, – сказал Ула, и его глаза сузились.

– Мы говорим о письмах и телефонных звонках, содержащих угрозы, – пояснил Мартин.

– Я? – Ула вытаращил глаза. Определить, искренен он или просто играет, было трудно. – Да и какое это имеет значение? Я хочу сказать, Марит ведь погибла в результате несчастного случая.

Патрик на некоторое время проигнорировал его утверждение. Ему не хотелось открывать все карты сразу, он предпочел делать это шаг за шагом.

– Кто-то посылал Марит с Керстин анонимные письма и звонил им по телефону.

– Меня это не удивляет, – усмехнувшись, заметил Ула. – Подобное обычно провоцирует такого рода внимание. Возможно, в крупных городах и проявляют терпимость, но в наших местах нет.

Патрик чуть не задохнулся от обилия предрассудков, которое излучал мужчина в кресле, и с огромным трудом подавил желание приподнять его за рубашку и высказать пару теплых слов. Утешало лишь то, что каждой фразой Ула все глубже и глубже закапывал себя в дерьмо.

– Значит, вы не имеете отношения к письмам и звонкам? – спросил Мартин с таким же плохо скрываемым отвращением на лице.

– Да, я бы до такого никогда не опустился. – Ула высокомерно улыбнулся им.

Он чувствовал такую уверенность в себе, и дом у него так сверкал, был столь безупречен и прибран. Патрику очень захотелось пошатнуть его отлаженный мирок.

– Тогда вы не будете возражать, если мы возьмем у вас отпечатки пальцев? И сравним их с отпечатками, которые обнаружит на конвертах техническая лаборатория?

– Отпечатки пальцев? – Улыбка внезапно исчезла, теперь его лицо излучало беспокойство. – Я не понимаю! Зачем сейчас в этом копать?

Патрик внутренне посмеивался, и брошенный на Мартина взгляд убедил его в том, что коллега разделяет эти чувства.

– Сперва ответьте на вопрос. Считать ли мне, что вы готовы предоставить отпечатки пальцев, чтобы мы могли вас исключить?

Тут Ула заерзал в кожаном кресле. Глядя по сторонам, он принялся передвигать стоявшие на стеклянной поверхности стола предметы. Патрику с Мартином казалось, что вещи и так уже выстроены идеальными рядами, но хозяин явно не разделял их мнения, поскольку перемещал предметы по миллиметру в разные стороны, пока они не выстроились достаточно ровно, чтобы успокоить его нервы.

– Да-а, – медленно произнес он. – Пожалуй, придется сознаться. – Улыбка вновь вернулась. Он откинулся на спинку кресла и, похоже, опять обрел равновесие, которое мгновение назад, казалось, утратил. – Да, лучше уж рассказать все как есть. Я действительно несколько раз посылал письма и звонил Керстин и Марит. Конечно, это было глупо, но я надеялся, что Марит поймет несостоятельность подобной связи и образумится. У нас ведь все было прекрасно. И мы могли бы снова зажить хорошо, если бы только она выбросила эту дурь из головы и перестала позорить себя и нас. Прежде всего ради Софи. Представляете, каково девочке ходить в школу с таким «багажом». Когда из тебя сделали мишень для издевок приятелей. Марит должна была образумиться. Из этого никогда бы ничего не получилось, не получилось бы, и все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.